АННИ БЕЗАНТ

СИЛА МЫСЛИ

АННИ БЕЗАНТ

СИЛА МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 2

ВВЕДЕНИЕ..... 2

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИРОДА МЫСЛИ..... 5

ГЛАВА ВТОРАЯ. МЕНТАЛЬНОЕ ТЕЛО И МАНАС..... 11

ГЛАВА ТРИ. ПЕРЕДАЧА МЫСЛИ..... 14

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАЧАЛО МЫШЛЕНИЯ..... 17

ГЛАВА ПЯТЬ. ПАМЯТЬ. О ПРИРОДЕ ПАМЯТИ..... 21

ГЛАВА ШЕСТЬ. РОСТ МЫСЛИ..... 25

НАБЛЮДЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ..... 25

ГЛАВА СЕМЬ. СОСРЕДОТОЧЕНИЕ..... 30

ГЛАВА ВОСЕМЬ. ПРЕПЯТСТВИЯ К СОСРЕДОТОЧЕНИЮ..... 36

ГЛАВА ДЕВЯТЬ. КАК УКРЕПИТЬ СИЛУ МЫСЛИ..... 41

ГЛАВА ДЕСЯТЬ (ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ)..... 47

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 52

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта маленькая книжка имеет целью помочь читателю в изучении его собственной природы, или, лучше сказать, интеллектуальной стороны его природы. Вникнув в изложенные здесь начала, он будет в состоянии содействовать своей собственной эволюции и ускорить свой ментальный рост в гораздо большей степени, чем если бы он оставался несведущим относительно условий своего развития.

Введение, может быть, представит некоторые затруднения для непосвященного читателя и, может быть, оно будет им пропущено при чтении в первый раз. Но оно необходимо как основание для тех, кто хочет понять связь между интеллектом и другими сторонами человеческой природы с внешним миром. Те, кто хочет следовать изречению “Познай самого себя”, не должны отступать перед небольшим усилием и ожидать того, чтобы в их лениво открытый рот упала бы с небес уже совершенно готовая пища.

Если эта книжка поможет даже только нескольким серьёзно изучающим людям и устранит с их пути некоторые затруднения — цель её будет достигнута.

Анни Безант

ВВЕДЕНИЕ

Ценность знания измеряется его силой очищать и облагораживать жизнь; серьёзно-настроенные теософы естественно желают применить теоретические познания, приобретенные изучением Теософии, для развития своего собственного характера и для служения ближнему. Эта книжка написана для них в надежде, что лучшее познание их интеллектуальной природы приведёт их к сознательной культуре хорошего и к искоренению дурного. Чувство, которое побуждает нас к праведной жизни, теряет отчасти свою ценность, если ум не озаряет стезю поведения, ибо, как слепой сбивается с дороги в своем неведении и попадает в канаву, так и Эго, ослепленное неведением, отклоняется от прямого пути и падает в пропасть дурных деяний. Воистину, Avidya — неведение, есть первый шаг от единства к обособлению, и только с уменьшением его уменьшается постепенно и обособление, до тех пор пока исчезновение Avidya не восстановит Вечного Мира.

Я — КАК ПОЗНАЮЩИЙ

Изучая человеческую природу, мы отделяем человека от проводников, которыми он пользуется, живое “Я” — от покрова, в который он облачен. Несмотря на разнообразность форм, под которыми оно проявляется посредством разного рода материи, “Я” — всегда едино. Существует только Единое Я, в полном значении этого слова, т.к. подобно лучам, исходящим из солнца, все “я” — люди — суть лишь лучи Божественного Я, так что каждый может сказать: “Я есмь Оно”. Но для нашей предстоящей задачи мы возьмём только один луч, утверждая присущее ему, хотя и скрытое под формами, единство. Сознание не делимо, и разделения, которые мы вводим в него, имеют целью лишь облегчить наше изучение; они — иллюзии, которыми мы обязаны нашей ограниченной способности органов восприятия, действующих в низших мирах. Тот факт, что проявления “Я” происходит в отдельности от его трёх аспектов: познания, воли и энергий, рождающих мысли, желания и поступки, не должен заслонять от нас сознания, что разделения субстанции не существует; все Я познает, все Я желает, все Я

действует. Кроме того, функции его совершенно отделены друг от друга; когда оно познает, оно в то же время действует и желает; когда оно действует, оно познает и желает. Одна функция преобладает и иногда в такой мере, что почти совершенно скрывает другие; но даже в процессе самой интенсивной сосредоточенности познания, наиболее отдельно действующей из функций “Я”, внимательный анализ всегда может найти скрытую энергию и волю.

Мы назвали эти три функции “три аспекта Я”; более подробное объяснение нам поможет, быть может, уяснить это себе. Когда “Я” находится в покое, проявляется аспект Познания, посредством которого оно может принять подобие любого предмета. Когда “Я” сосредоточено и готовится перейти к иному состоянию Сознания, является аспект Воли. Когда “Я” в присутствии какого-нибудь предмета напрягает энергию, чтобы войти в соприкосновение с этим предметом, является аспект Действия. Отсюда видно, что эти три аспекта не суть особенные разделения “Я”, но одно неделимое, проявляющееся в трёх аспектах.

Не легко осветить основное понятие “Я” не давая ему определения. “Я” — это та сознательная, чувствующая, всегда пребывающая сущность, которая в каждом из нас сознает себя существующей. Никто не может мыслить о себе как о несуществующем или формулировать себя в своём сознании, как “Я не есмь”. Bragavan Das говорит так: “Я” есть первая и необходимая основа жизни”... По словам Vachaspati — Mishra в его комментариях “Никто не спрашивает себя: “Есмь ли я”? или “Не есмь ли я”? Утверждение “Я есмь” предшествует всему другому, стоит над и вне всех рассуждений. Никакое доказательство не может придать ему более силы, никакое опровержение не может его ослабить. И доказательство, и опровержение оба основываются на утверждении “Я есмь”, на неподдающемся анализу чувстве простого бытия, которое не несёт с собой никакого предиката, кроме расширения и сжимания. “Я есмь больше” — выражение удовольствия, “Я есмь меньше” — выражение страдания.

Рассматривая “Я есмь” мы находим, что оно выражается тремя различными способами: а) внутренним отражением “Не Я”, это — Познание, корень мыслей; б) внутренним сосредоточением — Воля, корень желаний; с) расширением во вне — Энергия, корень действия; “Я познаю” или “Я мыслю”, “Я хочу” или “Я желаю”, “Я обнаруживаю энергию” или “Я действую”. Вот три утверждения единого неделимого “Я”, того, что сознает себя как “Я есмь”. Все

аспекты его проявления могут быть подведены под одну из этих категорий. “Я” проявляется в наших мирах только под этими тремя видами: как все цвета происходят из трех первичных, так и бесчисленные проявления “Я” исходят все из воли, энергии и познания. Я желающее, Я познающее. Я обнаруживающее энергию, это “Я” — Единый в Вечности и корень индивидуальности в Пространстве и Времени. Это “Я” мы и будем изучать в аспекте мысли как Познающего.

“НЕ — Я” КАК ПОЗНАВАЕМОЕ

Я — “природа которого познание”, находит отраженным внутри себя множество форм и узнает через посредство опыта, что оно не может через них не желать, ни действовать. Оно видит, что эти формы не подчинены его власти, как та форма, которую оно впервые начинает сознавать и которую оно (ошибочно, но неизбежно) отождествляет с самим собою. Оно познает, а эти формы не мыслят; оно хочет, а в них не происходит никакого желания; оно обнаруживает энергию, а в них не происходит никакого ответного движения. Оно не может сказать “в них я познаю, я действую, я хочу”; наконец оно начинает видеть в них другие “Я” минеральных, растительных, животных, человеческих и сверхчеловеческих форм, и оно начинает видеть в них другие “Я” минеральных, растительных, животных, человеческих и сверхчеловеческих форм, и оно обобщает их всех одним всеобъемлющим словом “Не — я”, т.е. то, в чём его как отдельного “Я” нет — то, в чём оно не познает, не действует, не хочет. Таким образом, оно, в продолжении долгого времени, на вопрос: Что такое не — я? Отвечает следующей формулой: “Все, в чём я не познаю, не хочу, не действую”.

И хотя в конце концов, последовательно анализируя, он должен будет увидеть, что каждый из его проводников (исключая самую тонкую субстанцию, которая создает из него отдельное “Я”) есть не что иное, как часть “Не — Я”, как объект познания, т.е. Познаваемое, а не Познающий, однако, практически его ответ все же правилен. Действительно, оно никогда не будет в состоянии познать, как предмет отдельной от него самого, эту тончайшую, создающую из него особое “я” субстанцию, потому что

существование этой субстанции необходимо для индивидуализации его и потому, что познать её “Не — Я” значило бы слиться во Всем.

ПОЗНАНИЕ

Для того, чтобы “Я” могло быть Познающим, а “Не -Я” — Познаваемым, нужно установить между ними определенную связь. “Не -Я” должно действовать на “Я”, и “Я” — в свою очередь — действовать на “Не -Я”, Между ними должен происходить обмен. Познание это и есть установление этой связи между “Я” и “Не -Я”, и о природе этой связи мы будем говорить в следующей главе, а сперва необходимо ясно понять, что познание есть “отношение”. Это “отношение” заключает в себе двойственность: сознание “Я” и познавание “Не -Я”; присутствие этих двух факторов, взаимно связанных между собой, необходимо для познания.

Необходимо понять, что Познающий, Познаваемое и самый акт Познавания суть три вещи в одном, — иначе человек не будет в состоянии пользоваться силою мысли для настоящей её цели, — помощи миру. Согласно западной терминологии, разум есть Познающий, объект — Познаваемое; отношение, которое устанавливается между ними — Познание. Мы должны изучить природу Познающего, природу Познаваемого и природу того отношения, которое устанавливается это отношение. Уяснив себе это, мы сделаем огромный шаг вперед по пути к Познанию самого себя, т.е. к Мудрости. Мы тогда будем в состоянии помогать окружающим нас, сделаемся помощниками и защитниками, потому что настоящая цель Мудрости и состоит в этом: одухотворенная любовью, она должна поднять мир из глубин его скорби к познанию, в котором все страдания навсегда прекращаются. Такова наша задача, потому что, как говорится в книгах народа, обладающего древнейшей и вместе с тем глубочайшей и мудрейшей наукой о душе, цель философии — положить конец страданию. Это — цель каждого Познающего, ради этого и стремится он к познанию.

Положить конец страданию — вот истинная цель философии; всякая иная мудрость, которая не ведет к обретению Мира, не есть истинная мудрость.

Глава первая. ПРИРОДА МЫСЛИ

Природа мысли может быть изучаема с двух точек зрения: со стороны сознания, которое есть познание, и со стороны формы, через посредство которой познание достигается; способность же формы к видоизменениям, пластичность её делает возможным достижение познания. Эта возможность привела Философию к двум крайностям, которых не должны избегнуть, т.к. каждая из них не признает одной из сторон проявляющейся жизни. Одна смотрит на всё как на сознание и не признает условия, делающего возможным сознание, т.е. необходимости формы. Другая смотрит на всё как на форму и не признает того, что форма может существовать лишь в силу одухотворяющей её жизни.

Форма и жизнь, материя и дух, проводник и сознание нераздельны в проявлении, они — неотделимые аспекты Того, чему обе эти стороны присущи, Того, что есть ни сознание, ни проводник его, а корень обоих. Философия, пытающаяся объяснить всё через посредство формы, не признавая жизни (одухотворяющей её), неизбежно встретиться с проблемами, разрешить которые она будет не в состоянии. Философия, пытающаяся объяснить всё через посредство жизни, не признавая формы, очутится перед глухой стеной, преодолеть которую она не сможет. Конечное разрешение этого состоит в том, что сознание и его проводники — жизнь и форма, дух и материя — лишь временные выражения двух аспектов единого, неограниченного Бытия, которое познаваемо лишь в своём проявлении, как Корень — Дух, называемый индусами (Pratyag — atman), т.е. отвлечённое Бытие, отвлечённый Логос, от которого рождаются все индивидуальные “я” и как Корень — Материя (Mulaprak — riti) от которого изошли все формы. Когда происходит проявление, этот Корень — Дух рождает тройственное сознание, а Корень — Материя — тройственную материю; но за ними лишь Единая Реальность, не познаваемая для условного сознания. Цветок не видит корня, от которого растет, хотя он черпает из него всю свою жизнь и не мог бы существовать без него.

“Я” как Познающий имеет своей отличительной функцией отражение “Не — я” в себе. Как чувствительная пластинка принимает лучи света, отраженные от предметов, а эти лучи производят видоизменения в веществе, на которое они падают, что и делает возможным получение изображений предметов, так происходит и с “Я” в аспекте познания по отношению ко всему внешнему. Его проводник является сферой на которой “Я” принимает от “Не -Я” отраженные звуки Единого Я, заставляя появиться на поверхности этой сферы изображения — отражение того, что не есть оно само. Познающий не познает самих предметов на первых ступенях своего сознания. Он познает только образы, произведенные действием “Не -Я” на его проводнике, на его чувствительной оболочке, т.е. фотографии внешнего мира. Поэтому разум, проводник “Я” как Познающего, и сравнивается с зеркалом, в котором отражены образы всех поставленных перед ним предметом. Мы познаем не самые предметы, а только действие, произведенное ими на наше сознание; не предметы, а только их изображения, находим мы в разуме. Как зеркало, в котором кажется вы видите предметы, а между тем эти видимые предметы лишь образы, иллюзии, произведенные световыми лучами, отраженными от предметов, а не сами предметы, так и разум в своем познании внешнего мира познает только призрачные образы, а не вещи сами в себе. Эти образы, произведенные в проводнике, воспринимаются Познающим как предметы, и это восприятие состоит в воспроизведении их в нем самом. Аналогия с зеркалом и употребление слова “отражение” в предыдущем параграфе могут ввести нас в заблуждение, т.к. образ есть воспроизведение, а не “отражение” производящего его предмета. Оболочка разума (ментальная материя) действительно образуется на подобие представленного ему предмета и это подобие воспроизводится в свою очередь Познающим. Когда он видоизменяет, таким образом, себя до подобия с внешним предметом, он познает данный предмет, но в том случае, который мы рассматриваем, то, что он познает, есть только образ, отраженный предметом на его проводнике, а не сам предмет. Причину того, что этот образ есть совершенное воспроизведение предмета, мы рассмотрим в следующей главе.

“Но”, могут сказать “будет ли так всегда? Разве мы никогда не будем в состоянии познавать самих предметов”.

Это заставляет нас коснуться главного различия между сознанием и тою средою, в которой оно действует. Когда сознание

путем долгой эволюции разовьет силу воспроизводить в себе всё, что существует вне его, тогда материальная оболочка, внутри которой оно действовало, спадает и сознание, ставшее познанием, отождествляет своё “Я” со всеми “Я”, среди которых оно развивалось; тогда оно рассматривает как “Не — я” только оболочку всех “я” в отдельности. Это — “День да будет с нами”, слияние, торжество эволюции, когда сознание познает себя и других как себя. Общностью природы достигается совершенное познание, и “Я” осуществляет то чудесное состояние, в котором торжество не умирает и память не теряется, а обособленность исчезает, и Познающий, Познаваемое и Познание сливается в одно.

Эту чудесную природу “Я”, которая развивается в нас в настоящее время через познание, мы и должны изучить, чтобы понять природу мысли; необходимо ясно увидеть призрачную сторону мыслительного процесса, чтобы вполне преодолеть иллюзию. Итак, рассмотрим, как устанавливается Познание — связь между Познающим и Познаваемым и это поможет нам понять яснее природу мысли.

Непрерывная цепь между Познающим, Познаваемым и Познанным

Вибрация — вот понятие, которое делается все более и более основной нотой всей западной науки, как она всегда была основной нотой науки Востока. Движение — корень всего. Жизнь есть движение; сознание есть движение, организованное вибрациями энергий в огромном диапазоне “плотности”, “тонкости”. Единого, Всеобъемлющего мы мыслим как Неизменное или абсолютное движение, или отсутствие движения, потому что в Едином относительного движения быть не может. Только тогда, когда существует разделение, части, мы можем мыслить то, что мы называем движением, т.е. изменение пространства, места в последовательности времени. Когда Единый становится Множеством — является движение, т.е. здоровье, сознание, жизнь, если оно ритмическое и правильное, и болезнь, несознание, смерть если оно без ритма, неправильно, ибо жизнь и смерть суть сестры близнецы, одинаково рожденные движением, которое есть проявление.

Движение непременно должно проявиться, когда Единый становится множеством, потому что когда вездесущий появляется как отдельные частицы, бесконечное движение должно представлять вездесущность, или, выражаясь иначе, должно быть её отражением или изображением в материи. Сущность материи есть обособленность, сущность духа — единство, и когда двойственность появляется в Едином, подобно сливкам в молоке, отражение вездесущности этого Единого во множественности материи является постоянным и бесконечным движением. Абсолютное движение, т.е. присутствие каждой двигающейся единицы в каждой точке пространства в каждое мгновение времени, тождественно покою, будучи неподвижностью, рассматриваемою лишь с другой стороны, т.е. со стороны материи, а не духа. С точки зрения духа существует всегда Единый, с точки зрения материи существует всегда множественность.

Это бесконечное движение проявляется как ритмические колебания, вибрации в материи. Каждая Джива или отдельная единица сознания обособляется материей от всех других [1] Джива . Каждая Джива воплощается или облекается в различные покровы материи. Когда эти последние вибрируют, они сообщают свои вибрации окружающей их материи и она становится посредником, посредством которого вибрации передаются внешнему миру; и этот посредник, в свою очередь, сообщает вибрационное движение покровам, заключающим другую Дживу, заставляя таким образом вибрировать и эту Дживу подобно первой. В этом ряду вибраций — начинающихся в одной Дживе и происходящих в окружающей её материи, а затем переданных окружающей её среде и сообщенных ею оболочке другой Дживы — мы получаем непрерывную цепь вибраций, посредством которых каждая Джива познает другую — вторая познает первую, потому что воспроизводит её в себе и таким образом испытывает то же самое, что и она. Но здесь есть некоторая разница. Так как наша вторая Джива уже находилась в вибрационном состоянии и её движение, сообщенное толчком от первой, не есть простое повторение этого толчка, но соединение её собственного движения с тем, которое она получила извне, то это воспроизведение не является совершенным. Достигается известное сходство, всё более и более совершенное, но полное тождество всегда будет ускользать от нас, пока будут существовать покровы.

Эта последовательность вибрационных действий часто замечается в природе; так, пламя есть центр вибрационной деятельности в эфире, называемой нами теплотой; эти вибрации или тепловые волны вызывают в окружающем эфире подобные себе волны, а эти волны вызывают однородные волны в куске железа, находящемся поблизости, так что его частички начинают вибрировать под их влиянием, железо нагревается и становится в свою очередь источником тепла. Подобным образом ряд вибраций переходит от одной Дживы к другой, и все существа соединены этою сетью сознания.

В физическом мире мы обозначаем различного рода вибрации различными именами, называя один род светом, другой теплотой, третий электричеством, четвертый звуком и так далее, однако все они тождественны по природе, все суть лишь виды разнообразного движения эфира, хотя и различаются по степеням скорости и по характеру волн. Мысли, Желания и Действия — деятельные проявления в материи Познания, Воли и Энергии — все они едины по своей природе, т.е. все состоят из вибраций, но их проявления различны по причине различного характера их вибраций. Существуют ряды вибраций в особенного рода материи и особого рода, который мы называем мыслями. Другие ряды вибраций известны как желания, третьи — как действия.

Эти названия обозначают определенные действия в природе. Когда известный род эфира вибрирует и его вибрация действует на наши глаза, мы называем это светом. Другой более тонкий эфир вибрирует и воспринимается, т.е. вызывает соответственные вибрации в мозгу и мы называем это мыслью. Мы окружены материей различной плотности и обозначаем движения в ней согласно тому, какое впечатление они на нас производят и посредством каких органов наших более грубых или более тонких телах мы на них отзываемся. Мы называем “светом” известного рода движения, действующие на глаз; мы называем мыслью известного рода движения, действующие на другой орган — мозг. “Зрение” происходит тогда, когда световой эфир образует волны от какого-нибудь предмета к нашему глазу; “мысль” рождается, когда в мысленном эфире волны пробегают от предмета к нашему мозгу. Первое явление таинственно не более и не менее второго.

Что касается разума, мы увидим, что видоизменения в расположении его веществ вызываются соприкосновением мыслительных воли и что в конкретном мышлении мы как бы опять

снова испытываем соприкосновения с внешним миром. Познающий узнает свою деятельность в этих вибрациях и все, на что они могут отвечать, т.е. все, что они могут воспроизвести и есть Познание. Мысль есть воспроизведение в разуме Познающего того, что — не — Познающий, “Не -Я”; это — картина, вызванная сочетанием волн, образ — выражаясь точнее. Часть “Не -Я” вибрирует и т.к. Познающий вибрирует в ответ, то эта часть делается познаваемой. Материя, волнующаяся между ними, делает возможным познание, заставляя их войти в соприкосновение друг с другом. Таким образом устанавливается и поддерживается непрерывная цепь между Познающим, Познаваемым и Познанным.

ТВОРЕЦ ИЛЛЮЗИИ

“Достигнув равнодушия к внешнему миру, ученик должен найти Властителя своих чувств, Творца мысли, того, который рождает иллюзию. Ум есть великий убийца Реального”.

Так гласит один из отрывков, переведенных Еленой Петровной Блаватской из “Книги Золотых Правил”, этой прелестной поэмы в прозе, составляющей один из её лучших даров миру. Нет названия, более значительного для определения ума, как “творец иллюзии”.

Ум не есть Познающий и их следует отличать один от другого. Много затруднений и смещения в понятиях происходят от того, что ученик забывает делать различие между тем, кто познает, и умом, который не более как орудие для приобретения познания. Это равносильно тому, как если бы ваятеля отождествляли с его резцом.

Ум по своей сущности двойствен: его составляет с одной стороны очень тонкая оболочка, которую можно назвать “телом причинности” и высший манас, отвлечённый разум; с другой стороны — оболочка, из более грубой материи, называемая ментальным телом, и низший манас или конкретный разум, который есть ничто иное, как отражение в атомической материи того аспекта Высшего “Я”, который представляет собою Познание. Конкретный ум ограничивает “Дживу”, которая по мере того как самосознание увеличивается, становится скованной им со всех сторон. Подобно тому, как человек, намеревающийся делать какую-нибудь работу, и надевающий толстые перчатки, замечает, что его руки утрачивают при этом свою чувствительность, гибкость и способность подбирать мелкие вещи и сохраняют способность схватывать лишь крупные

предметы и ощущать лишь грубые прикосновения, — то же самое происходит и с Познающим, когда он облекается в земной ум. Рука в перчатке осталась та же, но её способности сильно уменьшились. Познающий, проявляющийся через мозг, не изменился, но силы его чрезвычайно ограничились в своих проявлениях.

Слово “ум” мы будем употреблять в дальнейшем по отношению к конкретному разуму, т.е. “ментальному телу” или к манасу.

Ум есть результат прошлого мышления, и он видоизменяется постоянно совершающимися мышлением; он есть нечто вполне точное и определённое, обладающее известными свойствами и недостатками, определённой силой или слабостью, которые являются следствием деятельностей а предыдущих жизнях. Он таков, каким мы его сделали; если мы и можем изменить его, то очень медленным процессом. Мы не можем подняться, над ним одним усилием воли, или сразу исправить его недостатки. Каков он ни есть, он — наш собственный, он — часть “Не — я”, приспособленный для нашего пользования, и только посредством него мы можем познавать.

Все результаты нашего прошлого мышления остаются с нами в виде нашего ума, и каждый ум обладает своим строем и своей быстротой вибраций и находится в состоянии вечного движения, представляя ряд вечно меняющихся картин. Каждое впечатление, приходящее к нам извне, отражается в том же круге действия, и все уже существующие вибрации видоизменяют вновь проникшую вибрацию и сами изменяются под влиянием её. Таким образом, результат нового впечатления или новой вибрации не есть точное воспроизведение последней, а её комбинация с ранее уже существовавшими вибрациями. Прибегнем опять к сравнению возьмём на этот раз свет. Если мы будем держать перед глазами кусок красного стекла и начнём смотреть через него на зелёные предметы, то они покажутся нам чёрными, Вибрации, дающие нам ощущение красного, пересекаются теми, которые дают ощущение зелёного и глаз, благодаря этому, получает иллюзию черного цвета. То же самое происходит, когда мы смотрим на синий предмет через желтое стекло. В каждом из этих случаев служащее посредником цветное стекло впечатление цвета, отличающегося от того, которым обладает тот же предмет, рассматриваемый простым глазом. Даже глядя на предметы простым глазом, мы их видим уже до некоторой степени измененными, потому что и сам глаз видоизменяет получаемые им вибрации — и в гораздо большей степени, чем

многие думают. Влияние ума, при посредстве которого Познающий созерцает внешний мир, очень похоже на влияние цветного стекла на окраску рассматриваемых через него предметов. Познающий не сознает этого, влияния ума, как не сознавал бы человек, никогда не видавший ничего без красного или синего стекла, какого рода изменения производят эти стекла в истинной окраске пейзажа.

В силу этого ум и называется "творцом иллюзии". Он представляет нам только искажённые вибрации, соединения его самого с внешним предметом. Если же взять это название в более глубоком смысле, ум есть "творец иллюзий" потому, что все эти искажённые изображения лишь отображения внешнего вида предмета, а не сущности его. Тени теней, вот все, что он дает нам. Но пока мы остановимся лишь на тех иллюзиях, которые возникают вследствие присущей ему природы.

Наши представления о мире были бы совсем иными, если бы мы могли его узнать таким, каков он есть, даже в одном его Феноменальном виде, а не через посредство вибраций, видоизмененных умом. И это не невозможно, по крайней мере для тех, кто развил в себе большую способность управлять своим умом. Вибрации ума могут быть прекращены, если из него удалить сознание; тогда впечатление от внешнего предмета дает изображение, совершенно сходное с собой, т.к. вибрации, не смешанные с вибрациями самого наблюдателя, будут тождественны по качеству и количеству с предметом, вызвавшим впечатление. Или же сознание может отделиться и проникнуть в рассматриваемый предмет и таким образом непосредственно испытать его вибрации. В обоих случаях получается истинное познание предмета. Идея в мире ноуменов, феноменальный аспект которых выражается формами, может быть также познана, но только чрез посредство сознания, которое действует в “теле причинности”, не затрудняемое конкретным умом или низшими проводниками.

Та истина, что мы познаем лишь впечатления от вещей, а не сами вещи, получает большое значение, если её применять в практической жизни. Она нас учит смирению и осторожности и развивает в нас готовность воспринимать новые идеи. Мы теряем нашу инстинктивную уверенность в верности наших наблюдений и научаемся анализировать себя прежде, чем осуждать других. Вот пример, который послужит для выяснения нашей мысли. Я встречаю человека, вибрации которого дополняют мои собственные вибрации. Встречаясь, мы взаимно погашаем друг друга; поэтому

мы не любим друг друга, ни находим ничего друг в друге и каждый из нас удивляется, как может кто-нибудь находить другого умным, когда мы сами не находим в нем ровно ничего интересного. Если же я достиг до известной степени самосознания, такое удивление исчезает, по крайней мере с моей стороны. Вместо того, чтобы думать о другом как о глупом, я спрошу себя: “Чего не достает мне, что я не могу отвечать на его вибрации?” Мы оба вибрируем и если я не могу воспринять жизни у его мысли, то только потому, что не могу воспроизвести его вибраций. Как же я могу судить о нем, пока сам не изменюсь настолько, чтобы быть в состоянии воспринимать его?” Мы не можем в значительной степени изменить других, но мы можем сильно изменить себя и нам следовало бы постоянно стремиться к расширению нашей способности восприятия. Мы должны стать подобны белому свету, который являет собой соединение всех цветов; он не искажает ни одного, потому что ни одного не отбрасывает и имеет силу отвечать каждому. Мы можем судить о нашем приближении к белизне по нашей способности отвечать самым различным характером.

ГЛАВА ВТОРАЯ. МЕНТАЛЬНОЕ ТЕЛО И МАНАС

Обратимся теперь к разуму как к органу сознания, в его аспекте Познающего — и рассмотрим, из чего он состоит, как мы его создавали в прошлом, и каким образом мы можем его изменить в настоящем. Со стороны жизни ум есть Манас, а манас есть отражение в атомическом веществе третьего, т.е. ментального плана[2] мыслящего аспекта “Высшего Я”, проявляющегося как “Познающий”.

Со стороны формы “ум” являет два аспекта, в отдельности обусловливающих деятельность манаса, иными словами — сознание, действующее на ментальном плане. Эти аспекты возникают вследствие скоплений вещества этого плана вокруг

атомического вибрационного центра. Вещество это, благодаря его природе и применению, называется ментальной материей. Она составляет огромную область вселенной, проникает астральную и физическую материи и существует в семи подразделениях, подобно состояниям материи физического плана; она особенно отзывчива на вибрации, которые исходят из того аспекта Высшего Я, которое есть Познание и этот аспект налагает на ментальную материю свой особый отпечаток.

Со стороны формы первый и высший аспект разума есть то, что мы называли “духовное тело”. Оно состоит из материи пятого или шестого подразделений ментального плана, соответствующих более тонким эфирам физического плана. У большинства людей на настоящей ступени эволюции “тело причинности” очень мало развито и т.к. оно не имеет отношения к умственной деятельности, направленной к внешнему миру, то мы можем его оставить пока в стороне. “Духовное тело” есть собственно говоря орган отвлечённой мысли.

Второй аспект разума, называемый “ментальным телом”, состоит из субстанции, принадлежащей четырем низшим подразделениям ментального плана, соответствующим низшему эфирному, газообразному, жидкому и твердому веществам физического плана. Ментальные тела можно подразделить на семь основных типов, их которых каждый заключает в себе формы на всех ступенях развития, которые развиваются и растут по одним и тем же законам. Понять и применять эти законы — значит заменить медленное естественное развитие быстрым процессом свободного самоопределяющего душевного роста. Отсюда и вытекает громадная важность изучения этих законов.

СТРОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕНТАЛЬНОГО ТЕЛА

Надо ясно понять тот метод, посредством которого сознание создает свой проводник, т.к. мы ежедневно и ежечасно имеем возможность применять этот метод для высших целей. И в бодрствующем состоянии, и во время сна, мы постоянно созидаем наше “ментальное тело”; ибо когда сознание вибрирует, оно действует на окружающее его ментальное вещество, а каждая дрожь сознания, хотя бы вызванная и мимолётной мыслью, втягивает в ментальное тело одни частицы субстанции мысли и выбрасывает из

него другие. Насколько это касается проводника мысли, ментального тела — процесс этот происходит посредством вибраций; но не надо забывать, что самая сущность сознания заключается в постоянном отождествлении себя с “Не — я”, и таком же постоянном самоутверждении путем отбрасывания “Не — я”; сознание и состоит в чередующихся самоутверждении и отрицании; вследствие этого и является движение, которое производит притягивания и отталкивания, называемые вибрациями. Окружающая материя приходит вследствие этого тоже в колебательное движение и служит таким образом посредником для воздействия на другие сознания.

Итак, тонкость или грубость усваиваемой таким образом материи зависит от производимых сознанием вибраций. Чистые и возвышенные мысли вызывают быстрые вибрации и действуют только на самый тонкий вид ментальной материи. Более грубые её частицы остаются незатронутыми, т.к. она не способны вибрировать с необходимой быстротой. Когда подобная высокая мысль заставляет вибрировать “ментальное тело”, частицы грубой материи выбрасываются из него и замещаются частицами более тонкой материи и таким образом в состав “ментального тела” вносятся более совершенные материалы. Наоборот, низкие и дурные мысли притягивают к “ментальному телу” грубые материалы, как наиболее подходящие для своего выражения, и эти грубые частицы отталкиваются и выбрасывают более тонкие частицы.

Таким образом, вибрации сознания постоянно отбрасывают один род материи и заменяют его другим. Из этого вытекает, что соответственно тому роду материи, который мы в прошлом вносили в состав нашего “ментального тела”, будет и наша способность отвечать в настоящем на те или другие мысли, доходящие к нам извне. Если наше “ментальное тело” состоит из тонких частиц — грубая и дурная мысль не встречает в нас ответа, и поэтому не причинит никакого вреда; но если наше “душевное тело” было создано в грубых частицах — в таком случае каждая мимо несущаяся злая мысль будет дурно влиять на него, а добрые мысли останутся на него без влияния.

Когда мы приходим в соприкосновение с кем-нибудь, обладающим возвышенными мыслями, то его мысленные вибрации, действуя на нас, вызывают колебания в тех частицах нашего “ментального тела”, которые способны отвечать на них и в то же время рассматривают и даже выбрасывают некоторую часть той

материи, которая слишком груба, чтобы вибрировать с соответствующей быстротой. Следовательно польза, которую мы можем получить от высоко развитого человека, зависит главным образом от нашего собственного прошлого мышления, и “наше понимание” его образа мыслей и способность отвечать на них обусловлены тем же. Мы не можем мыслить за другого; каждый может думать только свои собственные мысли, вызывая при этом соответственные вибрации в окружающей его ментальной материи, которые, действуя на нас, возбуждают в наших “ментальных телах” симпатические вибрации. Последние действуют на сознание. Мыслитель вне нас может действовать на наше сознание только путем возбуждения подобных вибраций в нашем “ментальном теле”. Но “понимание” не всегда следует немедленно за извне вызванными вибрациями. Иногда действие их подобно действию солнца, дождя и почвы на зерно, зарытое в земле. Сначала незаметно никакого видимого влияния от вибраций, действующих на зерно; но внутри его всё же возник слабый трепет оживотворяющей его жизни и этот трепет будет крепнуть с каждым днём, пока, наконец, действующая на него жизнь не прорвет его скорлупу и не вытянет из него корешок и нежный росточек. Тоже и с разумом. Сознание будет слабо трепетать внутри него ранее, чем будет способно дать какой бы то ни было определённый ответ на полученное впечатление; но даже и тогда, когда мы ещё не способны понимать великого мыслителя, в нас уже существует бессознательный ответный трепет, который является предвестником сознательного ответа. Мы уходим от него уже несколько восприимчивее к богатому источнику его мысли; скрытое зерно мысли оживилось в нас и наш ум получил благой толчок, который скажется на его эволюции.

Таким образом для созидания и развития нашего разума нечто может быть взято и извне, но большая часть работы происходит благодаря деятельности нашего собственного сознания; ибо мы сами созидаем себя и должны строить наш разум по своему.

Есть много любителей чтения. Но не чтение созидает разум; созидает его лишь собственное мышление. Чтение лишь настолько, насколько оно доставляет материал для мышления. Человек может много читать, но умственный его рост будет в соответствии с возникающими за этим чтением собственными мыслями. Вся ценность для него вычитанных мыслей зависит от того употребления, которое он сделает из них.

“Чтение насыщает человека”, сказал лорд Бэкон, и с умом бывает то же, что и с телом. Еда наполняет желудок, но как пища бесполезна для тела, если она не переварена и не усвоена, так и ум может быть переполнен прочитанным, но если собственная мысль не работает, не может быть усвоения и ум не только не растет то такой пищи, а наоборот, может пострадать от обременения и даже ослабеть под тяжестью не усвоенных идей.

Следует меньше читать, но больше размышлять, если мы желаем, чтобы разум наш развивался и чтобы возрастала наша способность понимания. Если мы серьёзно думаем о культуре нашего ума, мы должны ежедневно посвящать один час чтению серьёзной книги, и при этом после каждых пяти минут чтения — не менее десяти минут размышлять над прочитанным. Обыкновение быстро читать, а затем откладывать книгу до следующего раза, является причиной медленного развития силы мысли.

Одно из самых замечательных явлений нашего движения есть умственный рост, наблюдаемый из года в год среди его последователей. Этим они обязаны, главным образом, пониманию самой природы мысли; они начинают сознавать законы мышления и принимаются сами созидать свои ментальные тела вместо того, чтобы предоставить их развитие медленному естественному ходу. Тот, кто действительно заботится о своем развитии, не должен проводить ни одного дня без того, чтобы хотя пять минут не посвятить чтению, за которым должно следовать серьёзное размышление. Быть может сначала он найдёт это утомительным и трудным и таким образом удостоверится в слабости своего мышления. Это открытие — первая ступень по пути прогресса, т.к. признать свою неспособность к сосредоточенному и последовательному мышлению есть уже большой шаг вперёд. Люди, не способные самостоятельно размышлять, но воображающие, что они умеют думать, не могут прогрессировать. Лучше осознать свою слабость, чем, оставаясь слабым, воображать себя сильным. Проявление слабости — рассеянность ума, бросание в жар, спутанность и усталость мысли, которые следуют за продолжительным усилием не уклоняться от трудного пути мысли — всё это вполне совпадает с такими же ощущениями в мускулах после усиленных гимнастических упражнений. Правильным и настойчивым упражнением — но не чрезмерным — сила мысли разовьётся, как развивается и сила мускулов. И когда таким образом сила мысли вырастет, Явится и способность управлять ею, и

возможность устремлять её к определённым целям. Без такого упражнения в мышлении ментальное тело останется неопределённым и не организованным; и без способности сосредоточивать мысль на определённой точке — сила мысли не может развиваться совсем.

Глава три. ПЕРЕДАЧА МЫСЛИ

[ÌÌÂ1]В наши дни многие упражняются в передаче мысли и мечтают о радости сообщаться с отсутствующим другом, не прибегая к помощи почты или телеграфа. Они думают, что такая передача достигается без особого усилия и бывают очень удивлены, когда их попытки в этом направлении не увенчаются успехом. А между тем ясно, что надо сначала научиться думать и затем уже передавать свои мысли — сначала приобрести некоторую способность к устойчивому мышлению, а затем уже отсылать мысленный ток через пространство. Слабые, неуверенные мысли большинства вызывают одни лишь колебания, ежеминутно появляющиеся и вновь исчезающие вибрации в ментальной атмосфере, дающие начало неопределённым формам с слабой жизненной энергией. Мысль — образ должен быть отчётлив и достаточно интенсивен, чтобы его можно было отослать в определённом направлении и он должен обладать достаточной силой для того, чтобы достигнув места назначения, оставить там свой отпечаток.

Есть два способа передачи мысли; один можно назвать физическим, а другой психическим: первый происходит при посредстве мозга, второй — не нуждается в нем. Мысль порождается сознанием, возбуждает вибрации в ментальном теле, затем — в астральном, а затем вызывает волнообразное движение сперва в эфирных, а потом в плотных молекулах физического мозга; этими вибрациями мозга приводится в колебание физический эфир, его волны расходятся в атмосфере и, достигнув другого мозга,

производят вибрации в его плотных и эфирных частицах. Воспринимающий мозг производит с своей стороны соответствующие вибрации в своем астральном, а затем и в ментальном теле, а эти последние вызывают ответное колебание в сознании. Таковы ступени той дуги, по которой проносится мысль. Но можно обойтись и без этой дуги. Сознание человека может, вызвав вибрации в его ментальном теле, направить их прямо к ментальному телу воспринимающего сознания и таким образом избегнуть описанного пути.

Рассмотрим что происходит в первом случае.

Существует в мозгу маленький орган, мозговая железка, название которой неизвестно физиологам Запада; западные психологи совершенно игнорируют её. У большинства людей этот орган до сих пор в зачаточном состоянии, но он развивается, а не атрофируется, и есть возможность ускорить развитие этой мозговой железки, чтобы она могла выполнять присущую ей функцию, которая со временем будет достоянием всех людей. Эта мозговая железка — орган передачи мысли, в такой же степени, как глаз — орган зрения или ухо — орган слуха.

Если кто-либо будет напряженно думать о какой-нибудь идее, с сред оточенным и неослабным вниманием, он заметит в своей мозговой железке легкий трепет или ощущение ползания, подобное ползанию муравья. Трепет этот возникает в эфире, проникающем железку и вызывает легкий магнетический ток, который и даёт ощущение ползания в плотных молекулах мозговой железки. Если мысль будет достаточно сильна, чтобы вызвать этот ток, это будет указанием, что мыслитель довел свою мысль до такой остроты и силы, которая делает её способной к передаче.

Вибрации в эфире мозговой железки вызывают в окружающем эфире волны, подобные световым волнам, только гораздо меньшего размера и более быстрого темпа. Вибрации эти распространяются по всем направлениям, приводя в движение эфир и вызывая в свою очередь колебания в эфире мозговой железки другого мозга и отсюда уже передаются в правильной последовательности сперва астральному, затем ментальному телу, после чего достигают сознания. Если эта другая мозговая железка не в состоянии воспроизводить однородных колебаний, то посланная мысль пронесётся, не оставив никакого впечатления; так же, как и волны света не произведут никакого впечатления на глаза слепого.

Второй способ передачи мысли состоит в том, что мыслитель создает мысль — образ на плане мысли и отсылает её не к мозгу, а непосредственно к самому мыслителю на ментальный план. Способность выполнять это сознательно требует ещё более высокого умственного развития, чем физический способ передачи мысли, ибо отсылающий мысль должен обладать самосознанием на ментальном плане, чтобы выполнить такую передачу мысли.

Между тем, этой силой все мы пользуемся постоянно, только невольно и бессознательно, т.к. каждая наша мысль производит колебания в ментальном теле, которые по самой природе своей должны распространяться в окружающей ментальной субстанции. И нет основания ограничивать понятие “передача мысли” одной лишь сознательной и преднамеренной передачей известной мысли одним лицом другому. Мы все постоянно влияем друг на друга посредством этих, без определённого намерения высылаемых волн мысли и то, что называется “общественным мнением” создается, по большей части, именно этим путем. Большинство людей думают известным образом не потому, что они основательно обдумали данный вопрос и пришли к определённому заключению, но только потому, что огромное большинство думает таким образом и увлекает за собой остальных. Сильная мысль великого мыслителя выбрасывается в мир мысли (на ментальный план) и схватывается восприимчивыми и подготовительными умами. Они воспроизводят её вибрации и таким образом усиливают волну мысли, действуя на других, которые иначе остались бы нечувствительными умами. Они воспроизводят её вибрации и таким образом усиливают волну мысли, действуя на других, которые иначе остались бы нечувствительными к первоначальной мысли. Эти последние, отвечая ответными вибрациями, увеличивают силу волны настолько, что она начинает действовать и на большие массы.

Общественное мнение, раз созданное, имеет первенствующее значение для громадного большинства благодаря тому, что однородные мысли — волны бьют беспрерывно на мозги всех и пробуждают в них ответные колебания.

Существует также и национальный склад мысли, который можно сравнить с глубоко прорезанными каналами мысли, образовавшимися благодаря вековым воспроизведениям однородных мыслей, соответствующих истории, войнам и обычаям нации. Они сильно видоизменяют умы, рожденные в данной нации, окрашивая их известным образом и все, что приходит к ним извне,

изменяется под влиянием особого, этой нации присущего характера вибраций. Как мысли, приходящие к нам из внешнего мира, изменяются под влиянием наших ментальных тел настолько что мы получаем не только вибрации этих чужих мыслей, но вместе с ними и наши собственные вибрации, — так и народы, получая впечатления от других народов, воспринимают их уже видоизмененными под влиянием своих собственных характерных вибраций. От этого и происходит, что Англичанин и Француз, или Англичанин и Бур, рассматривая одни и те же факты, но прибавляя к ним свои уже существующие предубеждения, совершенно искренне обвиняют друг друга в искажении фактов и в нечестном образе действия. Если бы это неизбежное явление было признано, много международных споров было бы улажено гораздо легче, чем это делается теперь, многих войн не возникло бы совсем, а те, которые уже возникли, кончались бы гораздо скорее. Каждый народ признавал бы то, что можно назвать “личное уравнение” и вместо того, чтобы осуждать другой народ, стремился бы при несогласии мнений найти ту золотую середину, которая примирила бы несогласие, и не настаивал бы на своей исключительной правоте.

Чрезвычайно важный вопрос, возникающий для каждого, знающего об этой постоянной и всеобщей передачи мысли, следующий: В какой степени могу я извлечь добро и избежать зла, живя в этой смешанной атмосфере, где и хорошие, и дурные волны мыслей не перестают действовать и влиять на мой мозг? Как могу я предохранить себя от вредных мыслей, и каким образом могу воспользоваться благими мыслями? Большое жизненное значение имеет знание того способа, каким происходит процесс подобного подбора мыслей.

Каждый человек более других действует сам на свое ментальное тело. Другие действуют на него случайно, он же — всегда. Оратор, которого он слушает, автор, книгу которого он читает, несомненно действует на его ментальное тело, но они — случайные явления в его жизни, тогда как он сам — источник постоянного воздействия на себя самого. Его собственное влияние на образование ментального тела гораздо сильнее всех остальных влияний, и никто, кроме него самого, не устанавливает нормальной скорости вибраций для его мыслей. Мысли, не соответствующие быстроте его вибраций, будут отброшены, когда соприкоснуться с его умом.

Если человек мыслит правдиво, ложь не может установиться в его уме, если его мысли полны любви — ненависть не может

потревожить его; если он мудр — невежество не может повлиять на него. Только в этом — спасение, только в этом истинная сила. Нельзя допускать, чтобы ум уподоблялся незасеянной ниве, потому что тогда всякие сменные мысли могут пустить в ней корни и произрастать; и не следует дозволять ему вибрировать, как ему вздумается, ибо к таком случае он будет отвечать на каждую мимо — проносящуюся вибрацию.

В этом заключается практический урок. Тот, кто станет его применять, вскоре оценит все значение его, и убедится, что благородное мышление делает жизнь и благороднее, и счастливее, и что мудрость в состоянии на самом деле положить конец страданиям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАЧАЛО МЫШЛЕНИЯ

Немногие вне небольшого круга специалистов по психологии задавали себе вопрос: “откуда происходит мысль?” Когда мы снова приходим в мир, мы являемся обладателями большого количества уже готовых мыслей, огромного запаса, так называемых “врожденных идей”. Эти понятия, которые мы приносим с собою при рождении, являются как бы сокращенными выводами, общими итогами опытов наших предыдущих жизней.

С этим умственным запасом мы начинаем действовать в этом воплощении и поэтому психолог не в состоянии проследить начало мышления путем непосредственного наблюдения.

Но нечто он может узнать из своих наблюдений над ребенком, потому что, как физическое тело новорожденного быстро повторяет в своей до-родовой жизни всю долгую физическую эволюцию прошлого, так и новое ментальное тело проходит через все ступени своего долгого предыдущего развития.

Это верно, что “ментальное тело” вовсе не тождественно “с мыслью” и поэтому изучая новое ментальное тело, мы совсем не изучаем начало мышления. Это становится еще понятнее, когда мы примем во внимание тот факт, что весьма немногие способны к непосредственному наблюдению ментального тела, что

большинству приходится ограничиваться наблюдением над последствиями воздействия ментального тела на его более плотных спутников; физический мозг и нервную систему. “Мысль” настолько же отличается от ментального тела, насколько и от физического; мысль принадлежит сознанию, жизни, тогда как и ментальное, и физическое тела являют собой другую сторону проявления, форму, материю и служат лишь временными проводниками или орудиями. Следует постоянно помнить о разнице между Познающим и умом, который не более, как его орудие познания, и не забывать, что под умом мы подразумеваем “ментальное тело в соединении с манасом”.

Мы можем, однако, изучая первоначальные воздействия мысли на эти тела, когда они только что появились на свет, сделать по аналогии некоторые заключения о началах мышления, возникающих тогда, как “в проявленном мире ”Я” впервые соприкасается с “Не — я”. Наблюдения эти могут помочь нам в силу той истины, что “как наверху, так и внизу”. Все здесь — лишь отражение и, изучая отражения, мы можем узнать кое-что и о том, что порождает эти отражения.

Наблюдая внимательно ребенка, мы заметим, что ощущения — ответ на возбуждения, называемые чувством удовольствия или страдания, и прежде всего страдания — предшествуют всякому признаку понимания, т.е. что неопределённые ощущения предшествуют определённым познаваниям. До своего рождения ребёнок существовал благодаря жизненным силам, притекавшим к нему через тело матери. Когда же настает время для его самостоятельного существования, эти силы как бы отрезаются от него. Источник жизни удаляется из его тела, и вновь не возобновляется; когда же жизненные силы уменьшаются, настает нужда в них, и эта нужда вызывает страдание. Удовлетворение её приносит облегчение, удовольствие, и ребёнок снова погружается в бессознательность. В скором времени зрительные и слуховые впечатления пробуждают ощущения, но признаков разумности еще не заметно. Первый признак разумности появляется тогда, когда голос или вид матери, или кормилицы начинает соединяться с чувством удовлетворения постоянно возобновляющейся нужды в пище и того удовольствия, которое доставляется питанием. Здесь уже происходит ассоциация в памяти целой группы повторяющихся ощущений с одним определенным внешним объектом, который воспринимается отдельно от этих ощущений и при этом как

источник их. Мысль есть познавание соотношения между многими ощущениями и тем одним, которое их соединяет в одно целое. Это есть первое выражение разумности, первая мысль, первое “восприятие”. Сущность восприятия есть возникновение вышеприведенного соотношения между единицей сознания — и объектом; везде, где установилось такое соотношение — возникает мысль.

Этот простой и всегда подлежащий проверке факт может служить общим примером того, как начинается мышление в отдельном “Я”, — т.е. в тройственном “Я”, заключенном в материю, как бы она ни была тонка (“Я” — индивидуализованное, в противоположность единому мировому “Я”). В этом отдельном “Я” ощущения предшествуют мышлению; внимание “Я” пробуждается впечатлением, на которое он отвечает ощущением. Массивное чувство нужды, вызванное уменьшением жизненной энергии, само по себе не пробуждает мысль; но эта нужда удовлетворяется соприкосновением с молоком, что вызывает определённое местное впечатление, сопровождаемое чувством удовольствия. После многократного повторения этого явления, “Я” — неопределенно и ощупью — достигает внешнего мира; оно входит в соприкосновение с внешним миром, благодаря извне приходящему впечатлению. Жизненная энергия вливается таким образом, в ментальное тело и оживляет его, благодаря чему оно отражает — сначала слабо — тот предмет, соприкосновение которого с телом произвело данное ощущение. Это изменение в ментальном теле, многократно повторяемое, возбуждает познавательную силу и оно начинает соответственно вибрировать. Оно испытало потребность, испытало соприкосновение и удовольствие и в связи с соприкосновением перед ним возникает образ, производивший воздействие и на глаза, и на губы, — два ощущения, которые в нем слились. В силу присущей ему природы, “Я” сливает эти три вещи в одно: потребность, соприкасающийся образ и удовольствие; это слияние и полагает начало мышлению. До тех пор, пока “Я” не способно отвечать таким образом, — мысли не может быть, ибо “Я” и есть Познающий, ничто иное не может познавать.

Упомянутое восприятие делает желание определенным: желание перестаёт быть неопределённой жаждой чего то, и становится определённым влечением к определённой вещи, в данном случае — к молоку. Но восприятие требует проверки, ибо Познающий связал в одно три явления, а одно из них потребность — должно быть

выделено. Замечательно, что в ранний период вид дающей молоко пробуждает потребность: Познающий вызывает её, когда является образ, связанный с потребностью. Ребёнок, не чувствуя голода, требует грудь при виде матери. Позднее, эта неправильная ассоциация прерывается, и образ кормящей соединяется с чувством удовольствия, как с его причиной; он является объектом удовольствия. Влечение ребёнка к матери устанавливается таким образом и делается с этих пор дальнейшим возбудителем мысли.

Связь между ощущением и мыслью

Во многих сочинениях по психологии, как на Западе, так и на Востоке, ясно установлено, что каждая мысль коренится в ощущении, что до тех пор, пока не скопилось большого количества ощущений, не может быть мысли. “Ум, каковым мы его знаем”, говорит Е.П. Блаватская “сводится к состояниям сознания, разнящимся по своей продолжительности, напряжению, сложности и т.д. но все они, в конце концов, основываются на ощущении”. Некоторые писатели пошли далее, утверждая, что ощущения — не только материал, из которого строятся мысли, но что мысли производятся ощущениями и что следовательно нет никакого Мыслителя, никакого Познающего. Другие, наоборот, смотрят на мысль, как на результат деятельности Познающего, возникающей изнутри, а не получившей толчка извне; ощущения, по мнению этой школы психологов, являются не необходимым условием его деятельности, а материалом, к которому Мыслитель применяет свои собственные, присущие ему способности.

Обе точки зрения и та, которая считает, что мысль есть чистый продукт ощущений, и та, которая признает мысль чистым продуктом Познающего — владеют только долей истины; полная истина лежит посреди обоих. Хотя для пробуждения Познающего и необходимо, чтобы ощущения действовали на него извне и хотя первая мысль является вследствие воздействия со стороны ощущения, следовательно ощущение есть необходимый предшественник мысли, тем не менее, если бы не было присущей способности связывать явления между собой, если бы природе “Я” не было присуще познавание, — ощущения могли бы даваться ему беспрерывно и всё-таки не возникло бы ни единой мысли. Утверждение, что начало мысли кроется в ощущениях, верно только

на половину; должна существовать еще сила, которая бы действовала на ощущения, которая бы их организовала и установила связующие звенья как между самими ощущениями, так и между ними и внешним миром. Мыслитель — отец, ощущение — мать, а мысль — их дитя.

Если начало мысли кроется в ощущениях и если эти ощущения вызываются впечатлениями внешнего мира, в таком случае точное наблюдение за природой и продолжительностью возникшего ощущения представляет огромное значение. Первым телом Познающего является наблюдение; если бы не было предмета для наблюдения, Познающий пребывал бы всегда во сне. Но когда перед ним является предмет, и он, как “Я”, сознает соприкосновение, тогда, как Познающий, он производит наблюдение. От точности его наблюдения зависит мысль, которую он образует из множества наблюдений, соединенных вместе. Если его наблюдения неточны, если он устанавливает неверную связь между предметом, вызвавшим впечатление, и собою, наблюдающим за этим впечатлением, тогда из этой ошибки в его собственной работе произойдёт целый ряд последовательных ошибок, исправить которые он может только возобновив наблюдения с самого начала.

Рассмотрим теперь, как ощущение и понятие действуют в каждом отдельном случае. Предположим, что я чувствую прикосновение к моей руке; прикосновение вызывает ощущение; распознавание породившего ощущение предмета есть мысль. Когда я чувствую прикосновение, я чувствую, и больше ничего, насколько это касается самого ощущения; но если от ощущения я перейду к вызвавшему его предмету, я восприму этот предмет, а восприятие это есть мысль. Восприятие это означает, что как Познающий, я сознаю между собой и предметом, насколько последний произвел известное ощущение в моем “Я”. Это однако ещё не всё, потому что я испытываю и другие ощущения от цвета, формы, мягкости, теплоты, строения ткани и эти ощущения передаются мне, как Познающему, при помощи воспоминания об аналогичных впечатлениях, полученных ранее, т.е. сравнивая прежние образы с образом прикасающегося к моей руке предмета, я заключаю о природе этого предмета.

В этом восприятии вещей, пробуждающих в нас известное чувство, лежит зародыш мысли; выражаясь метафизически, восприятие того, что “Не -Я”, как причины известных ощущений в моём “Я” — есть начало Познания. Одно чувство, если бы можно

было ограничиться им, не могло бы дать нам сознания “Не -Я”; оно пробудило бы только чувство удовольствия или страдания в нашем “Я”, сознание расширения или сжимания. Никакая высшая эволюция не была бы возможна, если бы человек не был способен к чему-либо большему, чем одно только чувство; только когда он начинает различать предметы, как причины удовольствия или страдания — возникает его развитие. От установившегося сознательного отношения между “Я” и “Не -Я” зависит вся будущая эволюция и эта эволюция будет заключаться, главным образом, в увеличении количества этих ощущений, в их растущей сложности и всё большей точности со стороны Познающего. Познающий начинает раскрываться тогда, когда пробуждающееся сознание, испытывая удовольствие или страдание, обращает свой взгляд на внешний мир и говорит: “этот предмет доставил мне удовольствие, а тот — страдание”.

Большое количество ощущений должно быть испытано прежде, чем “Я” вообще будет в состоянии отвечать на них извне. Затем настанет темное, смутное искание удовольствий, возникающее из желания “Я” испытать повторение испытанного удовольствия. Это хороший пример того факта, что не существует ни абсолютно чистой мысли, ни абсолютно чистого ощущения, ибо “желание повторить удовольствие” свидетельствует о том, что картина испытанного удовольствия сохранилась — хотя бы слабо, в сознании, а это уже память и принадлежит к области мысли. В течение долгого времени на половину пробужденное “Я” мечется от одного предмета к другому, слепо ударяясь о “Не -Я”, не руководствуясь в этих движениях никаким сознательным направлением и испытывая при этом удовольствие и страдание, не понимая причины того и другого. И только после долгого опыта вышеупомянутое восприятие становится возможным и тогда возникает связь между Познающим и познаваемым.

ГЛАВА ПЯТЬ. ПАМЯТЬ. О ПРИРОДЕ ПАМЯТИ

Когда связь между удовольствием и известным предметом установлена, пробуждается желание достигнуть этого предмета вновь и таким образом повторить удовольствие. И, наоборот, когда установлена связь между страданием и известным предметом, — пробуждается определённое желание избегнуть этого предмета, следовательно, избегнуть и повторения страдания. В ответ на новое возбуждение, ментальное тело легко воспроизводит образ того же предмета, потому что, следуя общему закону, по которому энергия направляется по линиям наименьшего сопротивления, материя ментального тела легко облекается в ту форму, которую она принимала чаще всего. Эта наклонность повторять под действием новой энергии прежние вибрации вытекает из тамасического свойства материи, сгруппированные вместе, медленно распадаются под действием других энергий, но в течение довольно продолжительного времени в них сохраняется склонность к возобновлению своих взаимных отношений. Если этим молекулам дать толчок подобный тому, который сгруппировал их раньше, они быстро примут своё прежнее положение. Далее, если Познающий вибрировал каким-либо определённым образом, эта “вибрационная сила” остаётся в нем и, когда появляется предмет, доставлявший удовольствие или страдание, желание обладать этим предметом, или избежать его, освобождает упомянутую силу, толкает её, — если можно так сказать — наружу, и таким образом, вызывает необходимое возбуждение в ментальном теле.

Образ, воспроизведенный таким путем, узнается Познающим, и в первом случае — влечение, вызванное удовольствием, заставляет его воспроизвести и образ этого удовольствия. А во втором случае — отвращение к испытанному страданию вызывает и образ этого страдания. Предмет и удовольствие или предмет и страдание сливаются в опыте вместе, и если произвести ряд вибраций, вызывающих образ предмета, в таком случае одновременно возникает и ряд вибраций, выражающих удовольствие или страдание, и те же чувства возникают даже и при отсутствии самого предмета. Это и есть память в её простейшей форме: самопроизвольная вибрация тождественного характера с той, которая вызвала чувство удовольствия или страдания, снова вызывает то же самое чувство. Эти вновь возникающие образы не так сильны, и потому для не вполне развитого Познающего менее ярки и живы чем те, которые были созданы соприкосновением с внешним предметом; в последнем случае более сильные физические

вибрации сообщают и большую энергию ментальным образам и образам желания; но в основе своей вибрации эти тождественны и память есть воспроизведение в ментальной материи тех предметов, с которыми Познающий уже находился в соприкосновении. Это отражение может быть — и бывает — многократно возобновляемо, всё в более и более тонкой материи, независимо от какого бы то ни было отдельного Познающего, и эти отражения, взятые в общем, образуют известную часть содержания памяти Логоса, Господа Вселенной. Эти образы образов достижимы для каждого отдельного Познающего, поскольку он развил в себе вышеупомянутую “вибрационную силу” . Как при беспроволочном телеграфе ряд вибраций, образующий посылаемую передачу, может быть воспринят любым подходящим приемником, — т.е. каждым приемником, способным воспроизвести те же вибрации, — так и скрытая вибрационная сила Познающего может быть приведена в действие аналогичной вибрацией, исходящей из этих космических образов. Эти образы на плане Акаши составляют “летопись Акаши”, о которой часто говорится в теософической литературе и они сохраняются на протяжении всей жизни данной планетной системы.

Слабая память

Чтобы ясно понять, что лежит в корне “слабой памяти”, мы должны, прежде всего, исследовать умственные процессы, из которых возникает то, что называется памятью. Хотя во многих сочинениях по психологии говорится о памяти, как об умственной способности, но на самом деле нет ни одной способности, которой можно было бы дать это наименование. Устойчивость умственного образа зависит не от какой-либо особой способности, но от общего количества ума. Слабый ум слаб и в устойчивости, как и во всём остальном и, подобно веществу слишком жидкому, чтобы удержать форму, в которую оно было отлито, быстро теряет принятую форму. Если ментальное тело мало организовано и представляет из себя неплотное соединение молекул ментальной материи, облако образную массу, слабо сцепленную между собой, то, конечно, память будет очень слабой. Но это — слабость общая, она присуща всему уму, вследствие общей невысокой ступени его развития.

Когда ментальное тело уже организовано и силы Дживы уже действуют в нем, мы все ещё часто встречаемся с тем, что называется “слабой памятью”. Но если мы внимательно исследуем такую слабую память, мы увидим, что она слаба не для всего, что некоторые вещи запоминаются ею хорошо и удерживаются безо всякого усилия. Если мы разберем, что это за вещи, то окажется, что это те предметы, которыми ум наш был особенно заинтересован, следовательно, что очень нравится, то и не забывается.

Одна дама очень жаловалась на свою слабую память, когда вопрос касался её занятий, но она обладала очень хорошей памятью, если дело касалось туалета, который ей нравился. Её ментальное тело не представляло собой какого-либо недостатка и когда она наблюдала вещи тщательно и внимательно, создавался ясный умственный образ, и образ этот обладал совершенно удовлетворительной устойчивостью. Здесь мы имеем ключ к разумению того, что такое “слабая память”.

Она происходит от отсутствия внимания, от отсутствия точности в наблюдении, а следовательно от неясности мысли. Неясная мысль, это — смутное впечатление, происходящее вследствие небрежного наблюдения и отсутствия внимания, тогда как ясная мысль это — резко очерченное впечатление, обязанное сосредоточенному вниманию и старательному точному наблюдению. Те предметы, которым мы мало оказываем внимания, не запоминаются, но мы хорошо запоминаем то, что нас живо интересует.

Как же следует обращаться со “слабой памятью”?

Надо прежде всего разобрать, по отношению к каким вещам она оказывается слабой и какие вещи запоминаются ею хорошо, и тогда можно будет определить её общую способность усвоения. Затем надо исследовать, в отношении каких вещей память оказалась слабой: стоят ли они того, чтобы их запоминать, или это вещи, которые нас не интересуют. Если мы найдем, что они представляют для нас мало интереса, но сами по себе заслуживают внимания, в таком случае, мы должны сказать себе: “Я буду обращать на них внимание, буду тщательно наблюдать их и думать о них внимательно и настойчиво”. И поступая так, мы заметим, что наша память улучшилась. Потому что — как мы уже сказали — память зависит от внимания, от точного наблюдения и от ясной мысли. Чтобы сосредоточить внимание, надо иметь интерес к предмету, а если он отсутствует, то его должна заменить воля.

И вот здесь возникает совершенно определенное и широко распространенное затруднение. Каким образом “воля” может заменить интерес к предмету? Что заставляет действовать волю? Привлекательность возбуждает желание, а желание заставляет нас двигаться к привлекательному предмету. Но в приведенном случае желание отсутствует. Каким же образом воля может возместить это отсутствие желания? Воля есть сила, за которой следует действие, когда её направление определено сознательным разумом, а не влиянием внешних привлекательных предметов. Если побуждение к действию то, что я часто называла “исходящей энергией нашего Я”, является под влиянием внешних предметов, если оно вызывается им, тогда мы называем такое побуждение желанием. Если же оно является под влиянием Чистого Разума, если оно посылается им, тогда мы называем его волею. Что в этом случае — при отсутствии привлекательности извне — необходимо, это — свет изнутри и побуждение для воли должно получиться вследствие умственного обследования данного положения и вследствие сознания, что целью всякого усилия должно быть благо, а не привлекательность. То, что Разумом избрано, как предмет наиболее содействующий благу “Я” — и будет служить побудительной причиной для воли. И раз это решительным образом уже было сделано, тогда даже в моменты утомления и слабости, одно воспоминание о том ходе мыслей, который послужил мотивом к усилию — послужит снова возбудителем для воли. Такой предмет, сознательно избранный, может сделаться и привлекательным, т.е. предметом желания, если в воображении представить все его хорошие качества, все благие последствия, следующие за его обладанием. А так как тот, кто хочет обладать предметом, должен обладать и средствами для его достижения, то мы делаемся способными превозмочь естественное отвращение от напрягающего усилия и трудной дисциплины упражнением сознательно направленной воли. В данном случае, установив, что известные предметы в высшей степени желательны, т.к. они ведут к благу, — мы заставляем нашу волю выполнять тот род деятельности, который способствует их достижению.

Для развития способности наблюдения, непродолжительное, но ежедневное упражнение гораздо действительнее, чем большое усилие, сопровождаемое периодами бездействия. Мы должны задавать себе ежедневно маленькую задачу: рассмотреть внимательно какую-нибудь вещь, представить её в уме во всех подробностях и сосредоточить на ней в продолжении некоторого

времени наш ум так же, как сосредоточивается на каком-нибудь предмете наш физический глаз. На следующий день мы должны вызвать тот же образ, воспроизведя его насколько возможно точно и, сравнивая его с оригиналом, заметить все неточности нашего мыслеобраза. Если мы ежедневно посвятим пять минут такому упражнению и будем попеременно наблюдать данный предмет и представлять его же в уме, или воспроизводить тот образ, который мы наблюдали накануне и сравнивать его с оригиналом, — мы быстро улучшим нашу память и, вместе с тем, несомненно разовьем наши силы наблюдения, внимания, воображения и сосредоточения. Словом, мы разовьем наше ментальное тело гораздо скорее и успешнее, чем это сделала бы природа без нашего содействия. Все без исключения, пробовавшие делать подобные упражнения, замечали на себе их благие результаты, которые выражались в том, что их умственные способности увеличивались и гораздо больше подчинялись контролю воли.

Искусственные способы улучшения памяти состоят в том, чтобы представить уму предметы в привлекательной форме или чтобы соединить с такой формой те предметы, которые должны быть удержаны в памяти. Люди, обладающие живым воображением, могут помочь своей дурной памяти, создать картину и внеся в неё те предметы, которые они хотят запомнить. Воспроизведение этой картины повлечёт за собою и появление предмета, который нужно было запомнить. Те же, у кого преобладают слуховые способности, запоминают легче всего благодаря звучности стиха, и рифмуя ряд чисел или другие мало привлекающие их предметы, они тем самым запечатлевают их в уме. Но метод, описанный выше, гораздо действительнее и применение его организует ментальное тело быстрее и делает его строение более правильным.

Память и предвидение

Возвратимся к нашему ещё неразвитому Познающему.

Когда память начинает действовать, быстро возникает и предвидение, потому что предвидение есть ни что иное, как память, отброшенная вперёд... Когда память вызывает переживание ранее испытанного удовольствия, мы проникаемся желанием вновь овладеть предметом, доставлявшим нам удовольствие и если это вызванное памятью переживание связывается с ожиданием снова

найти желанный предмет и насладиться им, в таком случае получается предвидение. Образ предмета и образ удовольствия Познающий созерцает во взаимной связи одно с другим; если же к этому созерцанию он прибавит время, прошлое и будущее — такое созерцание является под двумя видами: как память — когда оно связано с идеей прошлого, и — как предвидение, когда оно связано с идеей будущего.

По мере того, как мы изучаем эти образы, мы начинаем понимать всё значение афоризма Патанджали, по которому для достижения Йоги человек должен остановить “видоизменения мыслящего начала”. С точки зрения оккультной науки, каждое соприкосновение с “Не -Я” изменяет ментальное тело. Часть вещества, из которого состоит это тело, распределяется по новому, образуя копию созерцательного внешнего предмета. Когда устанавливается связь между этими отображениями, тогда возникает мышление, если процесс рассматривается со стороны формы, Параллельно с этим происходят вибрации внутри самого Познающего и эти видоизменения внутри его самого составляют мышление, если процесс рассматривается со стороны жизни. Не надо забывать, что установление этих отношений есть особая работа Познающего, его дополнение к этим образам и что это дополнение видоизменяет образы предметов в мысли. Картины в ментальном теле очень похожи по своему характеру на отпечатки, производимые на чувствительной пластинке эфирными волнами, находящимися вне светового спектра и действующими химически на окиси серебра так, чтобы расположение материи на пластинке изменилось соответственно очертаниям предметов, изображение которых отражается на ней. Таким же образом на чувствительной пластинке, которую мы называем ментальным телом, частицы вещества располагаются в изображения тех предметов, с которыми ментальное тело приходило в соприкосновение. Познающий воспринимает эти образы посредством своих собственных ответных вибраций, изучает их и через некоторое время начинает соединять и видоизменять их теми вибрациями, которые он в свою очередь, из себя направляет на них. В силу уже известного нам закона, эта энергия следует по линии наименьшего сопротивления: пока Познающий ограничивается воспроизведением тех же самых образов, пока он создает образы образов, добавляя при этом только один элемент времени, — мы имеем дело, как уже сказано, с памятью и предвидением.

Следовательно, конкретная мысль есть лишь повторение в более тонкой материи ежедневных опытов, с той только разницей, что Познающий может остановить и изменить их порядок, повторить, ускорить или замедлить их по своей воле. Он может сосредоточиться на каком-нибудь образе, углубиться в него, остановить на нем своё внимание и может, исследуя его не спеша, заметить на нем многое, что ускользнуло от него в первый раз, когда он был связан с вечно тревожным, вечно спешащим колесом времени. В пределах своего собственного царства он может останавливать или ускорять время по своему желанию, как делает это Логос относительно своих миров; но того, что составляет сущность времени, последовательности, он не может избежать, пока не достиг сознания Логоса, не освободился от пут материи, да и тогда это будет доступно для него только в пределах нашей мировой системы.

ГЛАВА ШЕСТЬ. РОСТ МЫСЛИ.

НАБЛЮДЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Первым условием для надлежащего мышления является внимательное и точное наблюдение. “Я”, как Познающий, со вниманием и точностью должен наблюдать “Не -Я”, как скоро оно становится Познаваемым и погружаться таким образом в “Я”. Вторым необходимым условием являются восприимчивость и устойчивость ментального тела, способность быстрой передачи впечатлений и удерживания их, когда они уже произведены. Наравне со вниманием и точностью наблюдений Познающего и восприимчивостью и устойчивостью его ментального тела будет и быстрота его развития, т.е. скорость с которой его скрытые способности сделаются деятельными силами. Если Познающий рассмотрел мыслеобраз неточно или если ментальное тело будучи неразвито, было невосприимчиво ко всем вибрациям извне, кроме

самых сильных и могло создать таким образом лишь несовершенное воспроизведение, то это значит, что ментальная материя была использована неудовлетворительно и расплывчато. Сначала получается лишь общее очертание с затертыми, а иногда и совершенно пропущенными деталями. По мере развития наших способностей и созидания нашего ментального тела при помощи более тонкого вещества, мы начинаем от того же самого предмета получать гораздо более, чем тогда, когда наше развитие было менее совершенно. Мы тогда находим в предмете гораздо больше деталей, чем находили в нем раньше.

Представим себе двух людей среди поля во время яркого заката солнца. Один из них простой крестьянин, которого способности мало развиты и который, если это не касается его урожая, не имеет обыкновения наблюдать за природой. Он смотрит на небо только для того, чтобы предугадать, чего можно ожидать — дождя или погоды, совершенно не интересуясь его видом, не имеющим прямого отношения к его существованию и занятию. Предположим, что второй наблюдатель талантливый художник, полный любви к красоте и привыкший наблюдать и наслаждаться красками и оттенками их. Физическое, астральное и ментальное тела крестьянина — все — присутствуют при этом великолепном закате и все вибрации, происходящие от него, действуют на проводники его сознания; он видит различные краски на небе, замечает преобладание красного цвета, что, согласно его прежним наблюдениям, обещает на завтра погоду, может быть желательную, а может быть и нет, для его урожая. Вот всё, что он извлекает из этого вида. Физическое, астральное и ментальное тела художника воспринимают те же самые вибрации — но как различен результат. Тонкая материя его тел воспроизводит миллион вибраций слишком быстрых и тонких, чтобы колебать грубую материю крестьянина. Следовательно, картина заката солнца для художника будет очень отличаться от картины, полученной крестьянином. Легкие тени разных цветов, оттенки, переходящие в другие краски, прозрачный голубой и розовый цвета, бледно-зеленый, пронизанный золотистыми лучами и снопами царского пурпура — все эти краски живут, воспринимаются и чувствуются художником со сладким трепетным наслаждением. Пробуждаются самые утонченные чувства, любовь и восхищение переходят в благоговение и восторг перед самой возможностью существования такой красоты. Идеи самого возвышенного и вдохновенного характера рождаются по

мере того, как изменяется ментальное тело под действием вибраций, происходящих от ментального образа заката солнца. В обоих случаях различие образов произошло не от внешних причин, но в силу различия внутренней восприимчивости. Это различие зависит не от внешних причин, а от внутренней способности восприятия. Оно лежит не в “Не — Я”, а в “Я” и его покровах. Согласно этим различиям получается и результат. Как он беден в первом случае и как богат во втором! Здесь мы видим с поразительной силой значение развития Познающего. Целый мир красоты может окружать нас, волны его вибраций могут действовать на нас со всех сторон и всё-таки он может не существовать для нас. Всё, что содержится в сознании Логоса нашей системы, имеет влияние на нас и наши тела. То количество, которое мы извлекаем из него, показывает ступень нашего развития. То, что необходимо для нашего роста, не есть изменение совершающиеся вне нас, но изменяемое, происходящее внутри нас самих. Все нам уже дано, мы только должны развить способность воспринимать.

Из сказанного вытекает, что один из элементов ясного мышления есть точное наблюдение. Мы должны выработать его, начиная с физического плана, на котором наши тела приходят в соприкосновение с “Не — Я”. Мы проходим ступени нашего развития, постепенно поднимаясь с нижнего плана, чтобы затем перейти на высший. На нижнем плане мы впервые соприкасаемся с внешним миром и отсюда вибрации простираются и на высший план — или во внутрь, пробуждая духовные силы.

Итак, точное наблюдение есть способность, которую нужно определенным образом развивать. Большинство людей проходит мир с полузакрытыми глазами, и мы легко можем убедиться в этом, спросив, например, самих себя: “Что я заметил, когда проходил такую-то улицу”? Наблюдения многих будут равны почти что нулю, никаких ясных образов у них не получится. Некоторые заметят лишь несколько предметов; иные не заметят много. Рассказывают о Гудине, что он приучал своего сына, гуляя по улицам Лондона, замечать предметы, находящиеся на окнах магазинов, мимо которых они проходили и достиг того, что ребёнок мог, не останавливаясь и бросив лишь мимолетный взгляд, перечислить товары на любом окне. Нормальное дитя, равно как и дикарь, наблюдательны по природе, и соразмерно их способности к наблюдению измеряются и их умственные способности. Привычка к ясному и быстрому наблюдению для среднего человека лежит в основе его ясного

мышления. Те, которые мыслят неясно, наблюдают плохо. Исключением является человек с сильно развитым умом, находящихся на очень высокой ступени развития; его мысленный взор обращен на внутренний мир и потому он не замечает многих внешних явлений. Но у обыкновенного человека такого изменения нет. Часто на вопрос о чем-либо виденном, рассеянный человек отвечает: “Я думал о другом и потому не заметил”. С этим ответом можно согласиться, но только если человек думал о чем-нибудь серьезном: в таком случае он лишь праздно мечтал, предоставляя своей мысли носиться по произволу, то он лишь потерял свое время и потерял гораздо более, чем если бы он направил свое внимание на внешний мир.

Человек, углублённый в мысли, не замечает предметов, мимо которых проходит и оставляет их без внимания, т.к. его взгляд обращен на внутренний мир, а не на внешний. Возможно, что для него не стоит тратить время для упражнения своего ментального тела путем особых наблюдений, потому что высоко развитый человек и человек менее развитой, каждый нуждается в особых упражнениях. Но из тех не наблюдающих внешний мир людей сколько действительно “глубоко погружены в мысли”? Все, что происходит в умах большинства, это — лишь бесцельное устремление внимания на малейший мыслеобраз, который случайно представится; такое время провождение подобно рассматриванию незанятою женщиной своего гардероба или ларца с драгоценностями. Это не есть собственно мышление, т.к. мышление значит, как мы уже определили раньше, установление соотношений, прибавление чего-то не существенного ранее. При мышлении внимание Познающего сознательно направляется на мыслеобразы и оно деятельно занимается ими. Развитие привычки к наблюдению составляет часть воспитания ума и те, кто будет упражняться в этом, увидят, что их ум сделается более ясным, возрастает в силе и что тогда будет легче направлять его на какой-нибудь намеченный предмет, чем это было раньше. Тогда способность к наблюдению, раз она окончательно установлено, будет действовать автоматически, ментальное и другие тела будут запечатлевать образы, которыми при желании можно будет пользоваться и позже, не требуя уже особого внимания самого человека. В таком случае совершенно не нужно будет, чтобы внимание человека сознательно направлялось к внешним предметам, чтобы воспринять и удержать впечатления от них.

Незначительный, но очень характерный случай произошел со мною лично во время путешествия по Америке. Однажды был поднят вопрос о номере локомотива того поезда, в котором мы ехали в этот день. И немедленно номер представился мне в моем уме, но это не было ни в коем случае явлением ясновидения, т.к. для этого нужно бы было прежде мысленно пройти за этим поездом, чтобы увидеть номер паровоза. Без всякой сознательной деятельности с моей стороны, органы чувства и ума заметили и запечатлели номер паровоза тогда, когда поезд входил на станцию, и когда этот номер необходимо было восстановить — мысленно предстал образ входящего поезда с номером на локомотиве. Способность к наблюдению, раз установленная, является одной из самых полезных, т.к. благодаря ей, предметы, проходящие перед нашими глазами и даже не привлекшие нашего внимания, могут быть воспроизведены, когда мы восстановим все впечатления, отраженные самостоятельным и автоматическим действием наших тел: ментального, астрального и физического.

Эта автоматическая деятельность ментального тела совершенно отличается от деятельности Дживы и происходит в каждом из нас в гораздо большем размере, чем можно было бы предположить. Установлено, что человек в состоянии гипноза рассказывает о ряде мелких явлений, которые были им запечатлены, не привлекая его особого внимания. Эти впечатления достигают ментального тела при посредстве мозга и одинаково запечатлеваются в обоих. Многие впечатления достигают таким образом ментального тела, не будучи достаточно глубокими, чтобы проникнуть в сознание, не потому что не могут быть восприняты, а потому что в нормальном состоянии оно не пробуждено в достаточной мере для того, чтобы отмечать впечатления, кроме самых глубоких. В гипнотическом трансе, в бреду, в физических сновидениях, когда Джива отсутствует, мозг воспроизводит эти впечатления, которые обыкновенно застилаются более сильными впечатлениями, получаемыми и воспроизводимыми самой Дживой. Но если наш ум привык наблюдать и запечатлевать в памяти, тогда Джива может по желанию пользоваться этими впечатлениями.

Таким образом, если двое, например, идут по улице и один из них привык наблюдать, а другой нет, то оба они получат известное количество впечатлений, хотя оба могут воспринимать их бессознательно; позже тот, кто привык наблюдать, будет в состоянии воспроизвести эти впечатления, а другой — нет. Так как в этой

способности к наблюдению лежит корень ясного мышления, то те, которые желают развить свою мысль и быть в состоянии управлять ею, должны развить в себе привычку к наблюдению и отказаться от удовольствия быть увлекаемыми праздным потоком воображения.

Развитие ментальных способностей

По мере накопления образов, задача Познающего усложняется и под влиянием его деятельности выявляются, одна за другой, все способности, свойственные его божественной природе. Он перестаёт признавать внешний мир, только как совокупность предметов, приносящих ему страдание и радость; он рассматривает поочередно образы, представляющие эти предметы; изучает их под различными видами, преобразует совершенно их и вновь рассматривает. Таким же образом он начинает приводить в порядок и свои собственные наблюдения. Если один образ вызывает за собой другой, он отмечает порядок их следования. И если за первым образом неоднократно следовал другой, то при появлении первого он начинает ожидать и второй, таким образом соединяя их. Это его первая попытка размышления, здесь происходит снова выявление присущей ему способности. Познающий рассуждает: “Так как А и Б всегда следовали один за другим, то когда появляется А, следует ожидать и появления Б”. Постоянно удостоверяясь в правильности своего предвидения, он связывает их как “причину” и “следствие”. Но слишком поспешное установление таких соотношений бывает причиной многих его ранних ошибок. Помещая образы рядом, он наблюдает, кроме того, их сходство и различие, развивает свою способность к сравнению. Он выбирает тот или другой образ, который доставил ему удовольствие и побуждает свое тело искать его во внешнем мире, развивая подобным выбором и заключениями свою способность к суждению. Он создает в себе чувство меры по отношению к сходству и к различию (между образами), группируя предметы по их видимому сходству и отделяя их от других по отличающим их различиям. При этом он тоже, — будучи введен в заблуждение поверхностным сходством, — делает много ошибок, исправляя их последующими наблюдениями. Таким образом наблюдение, различие, размышление, сравнение и суждение развиваются одно за другим и все эти способности возрастают от упражнения. Итак, аспект “Я” в качестве Познающего развивается

постоянно повторяющимся действием и реагированием “Я” на “Не — Я”.

Для ускорения эволюции этих способностей, мы должны сознательно и с заранее обдуманным намерением упражнять их, пользуясь обстоятельствами ежедневной жизни, как удобными случаями для их развития. Как сила наблюдения может развиться в ежедневной жизни, так точно мы можем приучить себя замечать в окружающих нас предметах черты сходства и отсутствие таковых, выводить известные заключения, оценивать их значение по последствиям, сравнивать их и судить о них и всё это сознательно и с заранее обдуманной целью. Сила мысли быстро развивается посредством этих обдуманных и определенных упражнений; мысль начинает сознательно подчиняться и начинает ощущаться как ясно определенная собственная сила.

Воспитание ума.

Воспитывать ум в известном направлении значит упражнять его до некоторой степени вообще, т.к. каждое заранее обдуманное упражнение организует мыслевещество, из которого состоит ментальное тело, и пробуждает в нем в то же время некоторые из способностей Познающего. Развившуюся способность можно направить к какой угодно цели и воспользоваться ею для каждой поставленной перед собой задачей. Развитый ум может быть применен и к совершенно чему-нибудь новому, он быстро овладеет предметом и преодолеет его, что для неразвитого ума было бы недоступно. В этом — значение ментального восприятия. Но надо помнить, что воспитание ума состоит не в загромождении его фактами, но в выявлении его скрытых способностей. Ум развивается не от переполнения его мыслями других, но от упражнения собственных способностей.

Говорят о Великих Учителях, стоящих во главе человеческой эволюции, что Они знают всё, что существует в нашей солнечной системе. Но это не значит , что всё происходящее постоянно в мире представляется Их Сознанию. Они развили в Себе настолько аспект познания, что — когда Они направляют Свое внимание, Они тотчас же постигают тот предмет, на который оно направлено. Эта способность настолько важнее скопления в уме известного числа фактов, насколько важнее, например, видит все предметы

собственными глазами, чем, будучи слепым, знать их только по описанию других. Развитие ума не измеряется количеством образов, которые он заключает в себе, а той силою, с которой он может воспроизвести в себе всё, что бы ни было явлено перед ним. Эта сила будет равно полезна, как в этом, так и в каждом другом мире, и раз она приобретена, она будет всегда нашей, где бы мы ни были.

Общение с высшими, со старшими

Работа воспитания ума может быть очень облегчена общением с лицами более высоко развитыми, чем мы сами. Мыслитель более сильный, чем мы, может помочь нам существенным образом, т.к. он высылает вибрации более высокого порядка, чем те, которые способны создать мы. Лежащий на земле кусок железа не может сам по себе начать высылать вибрации теплоты, но если бы этот же кусок положить около огня, то он может ответить на вибрации теплоты, высылаемые огнем и вследствие этого нагреется сам. То же происходит и с нами, когда мы приходим в близкое соприкосновение с сильным мыслителем; его вибрации начинают действовать на наше ментальное тело и производят в нем соответственные вибрации. И на время мы чувствуем, что наши умственные силы увеличились и что мы можем теперь схватить идеи, которые раньше от нас ускользали. Но когда мы остаемся опять одни, мы видим, что эти же самые идеи стали снова смутными и как будто расплывчатыми. Можно прослушать и умственно проследить доклад, совершенно ясно понимая в то время излагаемые в нем идеи. И уйти удовлетворённым, чувствуя, что сделал ценный доклад в свои познания. На следующее утро, желая поделиться с товарищем приобретённым накануне знанием, человек найдёт к своему глубокому огорчению, что не может изложить идеи, которые казались вчера такими ясными и понятными. Он нетерпеливо воскликнет: “Но я уверен, что я знаю это, я только не могу передать”. Такое чувство получается от воспоминания вибраций, испытанных и ментальным телом, и самим Дживой. Осталось сознание, что идеи были схвачены, их формы созданы, и чувство, что раз они были уже созданы, то воспроизведение их должно бы быть легко. Но накануне были могучие вибрации более сильного мыслителя, которые и отлили формы, схваченные нашим

ментальным телом; они создались внешним, а не внутренним влиянием. Чувство бессилия, испытываемое нами при попытке воспроизвести их, означает, что такое образование должно быть проделано несколько раз, пока не явится сила, которая будет в состоянии воспроизвести эти формы самостоятельными вибрациями. Познающий должен вибрировать таким высшим способом несколько раз, чтобы быть в состоянии воспроизвести эти вибрации по своей воле. В силу присущей ему природы Познающий может развить в себе эту способность свободно воспроизводить их, если он неоднократно будет соприкасаться с вибрациями высшего порядка. Сила обоих Познающих одна и та же, только один развил её, а в другом она находится в скрытом состоянии. Эта сила выходит из своего скрытого состояния чрез соприкосновения с аналогичной ей уже действующей силой, и таким образом более сильный ускоряет эволюцию более слабого. В этом-то и заключается одно из ценных свойств общения с ними и растем под их стимулирующим нас влиянием. Из этого следует, что истинный учитель больше помогает своим ученикам одним своим присутствием, чем обращенными к ним словами. Самым действительным средством для такого влияния является непосредственное личное общение. А при невозможности такового или кроме него, может быть много приобретено и чрез посредство книг, если они разумно подобраны. Читая книгу великого писателя, мы должны попытаться на время настроить себя пассивно, так, чтобы получить насколько слов, мы должны остановиться, взвесить их, постигнув и прочувствовать ту идею, которую они выражают в частности, и уловить их сокровенную связь. Наше внимание должно быть сосредоточено на том, чтобы проникнуть в мысль писателя, которая скрывается за словами. Подобное чтение имеет воспитательное значение и ускоряет нашу ментальную эволюцию. Обыкновенно чтение служит нам приятным время провождением, может обогатить наш мозг ценными фактами и таким косвенным образом быть нам полезно. Чтение же, подобно вышеописанному, является двигателем нашей эволюции и потому оно не должно быть упущено из виду теми, которые стремятся развить себя, чтобы быть в состоянии помогать другим.

ГЛАВА СЕМЬ. СОСРЕДОТОЧЕНИЕ

Ничто так не напрягает силы ученика, приступившего к тренировке своего ума, как сосредоточение.

В ранние периоды деятельности ума прогресс зависит от степени его подвижности, живости, восприимчивости, к впечатлениям, получаемым от чередующихся ощущений. В этот период гибкость составляет самое ценное качество и необходимым условием прогресса является внимание, постоянно обращенное на внешний мир. В этот период, когда ум собирает материалы для мышления, чрезмерная подвижность является его преимуществом и в течение многих, многих жизней ум развивается, благодаря этой живости, возрастающей от упражнения. Внезапная задержка этой привычки разбегаться во все стороны, принуждение к сосредоточению внимания на одном каком-нибудь пункте — такая перемена, конечно, влечет за собой потрясение, и мысль порывисто мечется из стороны в сторону, подобно необъезженной лошади, впервые почувствовавшей удила. Мы видели, что ментальное тело принимает очертание объектов, на которые обращено наше внимание. Патанджали говорит о прекращении изменений мыслящего начала, т.е. об остановке этих вечно-меняющихся воспроизведений предметов внешнего мира. Прекратить вечно-меняющиеся превращения ментального тела и удержать его на одном определенном образе и составляет сосредоточение, поскольку оно касается формы. Постоянное направление внимания на эту форму, с тем, чтобы воспроизвести её в совершенстве внутри себя — есть сосредоточение, поскольку оно касается Познающего.

В сосредоточении сознание удерживается на одном образе, всё внимание Познающего направлено на одну точку без колебания и уклонения. Воля останавливает мысль, которая постоянно перебегала с одного предмета на другой, привлекаемая внешними предметами, и в быстрой последовательности — поочередно принимала их очертание; она её обуздывает и принуждает удержать одно определённое очертание, один образ, отстраняя от себя все другие впечатления, продолжающие действовать на неё.

Когда ум, таким образом, останавливается на одном очертании, и Познающий неуклонно его созерцает, то он получает гораздо более совершенное познание предмета, чем он мог бы приобрести от какого-нибудь словесного его описания. Например наше представление о картине или о пейзаже будет гораздо полнее, если мы их сами увидим, чем если бы мы только прочли о них или слышали бы их описание. И если мы сосредоточимся на таком

описании, то картина воспроизведется в нашем ментальном теле и мы познаем её полнее, чем чрез просто словесное изображение. Слова — это символы вещей, а сосредоточение над основным контуром предмета, обрисованным словами, описывающими его, заполняет его всё большим и большим количеством деталей, по мере того, как сознание приходит в более близкое соприкосновение с описываемым предметом.

Не надо забывать, что сосредоточение не есть состояние пассивности, а напротив — это напряжённая и урегулированная деятельность. Оно, в мире ментальном, напоминает сокращение мускулов для прыжка в мире физическом, или сильное напряжение их с тем, чтобы выдержать длительный напор. И действительно, это умственное напряжение у начинающих всегда сопровождается и соответствующим физическим напряжением и за ним следует физическая усталость — утомление мускулов, а не одной только нервной системы. Подобно тому, как внимательное рассматривание известного предмета дает нам возможность различить детали, незаметные при беглом взгляде, так и сосредоточение умственное позволяет нам изучить детали какой-нибудь идеи. А по мере возрастания напряженности сосредоточения, мы воспринимаем, в тот же промежуток времени — гораздо больше, чем при обыкновенном мышлении; точно также, как человек бегущий увидеть большее количество предметов в продолжении одной минуты, чем человек идущий размеренным шагом. Для того, чтобы шагом пройти мимо двадцати предметов, человек израсходует совершенно такое же количество мышечной энергии, как и тот, кто бежит мимо них, но более быстрое излияние энергии соответствует меньшему количеству времени, употребленному на пробег.

При начале сосредоточения приходится преодолевать два затруднения. Во-первых, надо достигнуть полного отрешения от впечатлений, всё время действующих на ум извне. Надо мешать ментальному телу реагировать на эти соприкосновения и преодолеть его склонность отзываться на них, а это требует устремления внимания, отчасти, и на самый процесс сопротивления, но когда эта склонность реагировать будет преодолена, то и само сопротивление прекратится. Необходимо совершенное равновесие, не сопротивление, не подчинение, а твердое спокойствие, достаточно сильное для того, чтобы волны, идущие извне, не могли бы иметь никакого влияния, даже такого второстепенного, как сознание присутствия чего-то такого, чему

нужно сопротивляться. Во-вторых, сам ум должен на некоторое время удерживать лишь один образ — предмет сосредоточения; он должен не только не изменяться в ответ на внешние впечатления, но должен, кроме того, прекратить свою собственную внутреннюю деятельность, посредством которой он постоянно перетасовывает свое содержимое, размышляя над ним, устанавливая новые отношения и открывая скрытые сходства и различия. Теперь он должен устремить свое внимание на один лишь предмет, остановиться на нем одном. Он чрез это, конечно, не прекращает своей деятельности, но направленная в узкое русло и имея тот же первоначальный импульс, опрокинет преграду. Отсюда и важность “заостренности” мысли, на которой постоянно настаивают учителя созерцания. Этим не прибавляется сила ума, но безмерно увеличивается его действенная мощь. Пар, расстилающийся в воздухе, не сдвинет с пути и комара, но если направить его в цилиндр, то тоже самое его количество приведет в движение поршень. Добиться этого внутреннего спокойствия ума гораздо труднее, чем просто отвлечь его от внешних впечатлений, т.к. здесь мы касаемся и жизни ума во всей её глубине и полноте. Повернуться спиной к внешнему миру легче, чем водворить спокойствие во внутреннем мире в виду того, что этот внутренний мир более отождествлен с “Я” и даже для большинства людей на внешней ступени эволюции представляет само это “Я”. Но сама попытка утешить таким путем ум вскоре подвигает нас на шаг вперёд по пути развития нашего сознания; мы вскоре чувствуем, что повелитель и тот, кем повелевают, не могут быть одним и тем же и инстинктивно отождествляем себя с повелителем. “Я” успокою “мой” ум — так говорит Сознание, и оно чувствует, что ум принадлежит этому “Я”, составляет его собственность. Это различие растет бессознательно и ученик скоро начинает сознавать некоторую двойственность, присутствие чего-то, что управляет и чего-то, чем управляют. Низший, конкретный ум определяется и “Я” ощущается, как имеющее большую силу, более ясную прозорливость и развивается сознание, что это “Я” не зависит ни от тела, ни от ума. Таково первое утверждение, т.е. ощущение в нашем сознании истинной, бессмертной природы, интеллектуально уже признанной, как существующей; такое признание, собственно говоря и послужило уже импульсом для самого сосредоточения, получающего таким путем свою награду. По мере дальнейшего упражнения горизонт всё расширяется, однако как будто во внутрь,

а не наружу, во внутрь — безостановочно и беспредельно. Развивается способность распознания истины с первого же взгляда, но она является только тогда, когда ум, с его медленным процессом рассуждения, будет превзойден (Читатель не должен забывать, что слово “ум” употребляется в смысле — “низшего разума”, ментального тела плюс манас).

“Я” — есть выражение того “Эго”, чья природа есть знание и каждый раз, как оно приходит в соприкосновение с истиной, оно узнает правильность её вибраций, способных воспроизвестись в нем и правильность создаваемого ею образа, тогда как ложное вызывает искажённый, непропорциональный образ, самим своим отражением указывающий на своё происхождение. По мере того, как ум принимает всё более и более подчиненное положение, эта способность “Эго” утверждает своё превосходство и интуиция — аналогичная непосредственному зрению на физическом плане — заменяет собой рассудочность, которую можно, пожалуй, сравнить с чувством осязания на физическом плане.

В действительности эта аналогия более тесная, чем может показаться с первого взгляда. Интуиция развивается из рассудочности так же непосредственно и оставляя без изменения сущность природы, как и зрение развивается из осязания. Тут есть, конечно, большая разница в “способе”, но это не должно ослеплять нас относительно правильной последовательности эволюции. Интуиция существа неразумного это — побуждение, рожденное желанием и такая интуиция ниже, а не выше рассудочности.

Когда ум уже достиг способности сосредоточиваться на одном предмете и может сохранять в течение некоторого времени “заострённость” — как называется состояние — то следующей стадией будет — отрешение от данного предмета, но с сохранением ума в том же положении напряжённого внимания, не останавливая его, однако, ни на чем. В этом состоянии ментальное тело не являет никакого образа; на — лицо только его собственное вещество, стойкое и неподвижное, не воспринимающее никакого впечатления и находящееся в состоянии совершенного покоя, подобно гладкому озеру. Такое состояние может продолжаться лишь очень короткое время, подобно “критическому состоянию” в химии — точке соприкосновения между двумя уже познанными и определёнными под-состояниями материи. Иначе говоря, сознание, при успокоении ментального тела, ускользает из него, достигает и проходит “центр Лайя”, т.е. нейтральную точку соприкосновения между ментальным

телом и телом причинности. Это прохождение сопровождается мимолетным обмороком или потерю сознания, — (неизбежное следствие исчезновения из него предметов сознания) — за которым следует сознание на высшем плане. Исчезновение предметов сознания, принадлежащих низшим мирам, влечёт, таким образом, за собой появление предметов сознания в высших мирах. Тогда “Эго” может преобразовать ментальное тело согласно высоким видениям иных планов, которые он улавливает в минуту высшего подъёма и таким образом может низвести и распространить идеи, на которые иначе ментальное тело не могло бы отозваться. Таковы и вдохновенные идеи гениев, что вспыхивают подобно молнии в человеческом уме и ослепительным блеском озаряют целый мир. И сам человек, передающий их миру, едва ли может в своем обыкновенном ментальном состоянии рассказать, каким образом они его озарили; он лишь сознает, что каким то странным образом сила, внутри меня гремящая, оживляет мои уста и руководит моей рукой”.

Сознание является всюду, где есть предмет, на который оно может отозваться

В мире форм — каждая форма занимает определённое место и нельзя сказать — если только можно так выразиться — что она находится на каком-нибудь месте, где её нет; т.е. форма, занимая известное место, находится ближе или дальше от других форм, тоже занимающих определённые места по отношению к её месту. Если она пожелала бы переменить своё место, она должна бы перейти некоторое промежуточное пространство. Это прохождение может быть быстрым или медленным, мгновенным, как вспышка молнии, или тихим, как ход черепахи, но, так или иначе, оно должно быть сделано и — занимает известное время, долгое ли, или короткое. Для сознания же не существует пространства в этом смысле. Оно меняет своё состояние, а не место, охватывает много или мало, познает или не познает то, что не есть оно само, поскольку оно может отвечать на вибрации этих “Не — Я”. Горизонт сознания увеличивается вместе с его восприимчивостью, т.е. с его способностью отзываться и воспроизводить вибрации. Здесь не может быть речи о перемещении, прохождении промежуточного

пространства. Пространство принадлежит формам, которые больше всего действуют друг на друга, когда они близко находятся друг от друга и взаимодействие которых уменьшается по мере увеличения расстояния между ними.

Все те, кому удалось достигнуть сосредоточения, сами вновь открывают это несуществование пространства для сознания. Адепт может в своих границах познать всякий предмет, сосредоточиваясь на нем и расстояние совершенно не влияет на подобное сосредоточение. Он познает предмет, находящийся, скажем, на другой планете, не потому, что его астральное зрение действует подобно телескопу, но потому, что во внутреннем нашем мире вся вселенная сущность, как одна точка; такой человек достигает сердца жизни и видит в нем все вещи. В Упанишадах сказано, что внутри сердца есть малая камера, в которой находится “внутренний эфир”, сопротяжённый пространству; это — Атма, Эго, бессмертное и беспечальное: “Внутри этой обители пребывают небо и земля; внутри этой обители пребывает огонь и воздух, солнце и месяц, молния и звезды, все, существует и всё, что не существует в Этом Мире (во вселенной)”.Этот “внутренний эфир сердца” — древнее мистическое наименование тончайшей сущности Эго, которое воистину едино и всепроникающе, так что тот, кто сознает Эго — сознает и все точки вселенной. Наука говорит, что движение каждого тела здесь внизу влияет на отдаленнейшую из звезд, потому что все тела погружены и проникнуты насквозь эфиром, беспрерывной средой, все соединяющей и передающей все вибрации без всякого трения, следовательно, и без потери энергии, и на любое расстояние. Это относится к природе, взятой с точки зрения формы. Как естественно, следовательно, и сознанию — жизненной стороне природы, — тоже быть всепроникающим и всё соединяющим.

Мы чувствуем, что находимся “здесь”, потому что получаем впечатления от предметов, окружающих нас. Если же сознание вибрирует так же сильно в ответ на вибрации “отдалённых”, как и “близких” предметов, то и мы будем чувствовать себя пребывающими вместе с ними. Если сознание отзовется на происшествие на Марсе также сильно, как и на происшествие в нашей комнате, то между ними для сознания не будет никакой разницы и оно будет чувствовать себя “здесь” одинаково в обоих случаях. Тут вопрос не в месте, а лишь в степени эволюции восприимчивости. Познающий находится всюду, где на что-нибудь

отзывается его сознание и возрастание его способности означает включение в его сознание всего того, на что он может отозваться, всего того, что входит в пределы его вибраций. Здесь опять таки нам поможет аналогия с физическим миром. Наш глаз видит только те предметы, которые могут сообщить ему световые вибрации, а кроме них он ничего не видит. Он может отвечать только на известный объем вибраций; все же то, что лежит за пределом его, ниже или выше, для глаза — темнота. Древняя герметическая аксиома “как на верху, так и внизу” служит для нас нитью в окружающем нас лабиринте ввиду того, что, изучая внизу отражение, мы можем познать кое что и о том предмете наверху, который отбрасывает это отражение.

Разница между способностью обладать сознанием во всяком месте и “восхождением” на высшие планы состоит в том, что в первом случае Джива — независимо от того, заключена ли она в свои низшие проводники, или нет — сразу чувствует себя в присутствии “отдаленных” предметов, а во втором случае, облечённая в астральное и ментальное тела, или только в одно ментальное, она быстро переносится от одной точки к другой и сознает это перемещение. Гораздо более значительная разница заключается в том, что во втором случае Джива может очутиться среди множества предметов, которых она вовсе не понимает; в новом и удивительном мире, смущающем и озадачивающем её, тогда как в первом случае она понимает всё то, что видит и познаёт как жизнь, так и форму. При подобном изучении свет единого “Я” проникает всё и приобретается просветлённое знание, которое никогда не может быть достигнуто путём пребывания хотя бы бесконечного числа веков среди необъятного разнообразия форм.

Сосредоточение есть средство, при помощи которого Джива[ÌÌÂ2][3] избавляется от оков форм и приобретает мир. “Для неё без сосредоточения нет и покоя мира”, говорит Учитель, т.к. мир свил себе гнездо на скале, возвышающейся над будущими волнами форм.

Как надо сосредоточиваться.

Поняв теорию сосредоточения, надо приступить к её практике. Для человека, имеющего в себе благоговение, задача значительно облегчается, потому что из предмета своего благоговения он может

сделать предмет созерцания и вследствие того, что его сердце будет сильно стремиться к этому предмету, и его ум будет на нем останавливаться, он охотно и без всякого усилия изобразит любимый образ, исключив так же легко все остальные представления. Ум беспрестанно побуждается желанием и неизменно служит орудием удовольствия. Он всегда ищет того, что доставляет удовольствие и всегда старается представить себе те образы, которые приносят ему счастье и исключит те, что причиняют ему страдания. Поэтому ум легко останавливается на любимом образе, привлекаемый к этому созерцанию испытываемым им удовольствием и если его насильно оторвав от него, то он неоднократно будет возвращаться к этому образу. Набожный человек может очень быстро достигнуть значительной степени сосредоточения. Он будет размышлять о предмете своей молитвы, создавая в воображении, по возможности, ясную картину, образ этого объекта и затем сосредоточивая свой ум на этом образе, на мысли о Любимом. Таким образом христианин размышляет о Христе, о Богородице, о своем Святом, об Ангеле-Хранителе; Индус — о Магашиваре, Вишну, о Ума, о Шри Кришне; Буддист — о Будде, о Боддхисатве; Парс — об Ахура-Мазде, о Митре и т.д. Каждый из этих объектов вызывает благоговение верующего и то влечение, которое испытывает к ним сердце, заставит ум останавливаться на этом объекте, доставляющем счастье. Таким путем ум сосредоточивается с наименьшим усилием, с наименьшей тратой энергии. Для человека не благоговейного элемент влечения может быть всё таки использован, как вспомогательное средство, но в этом случае он должен будет остановиться на Идее, а не на Личности. При первых попытках к сосредоточению надо всегда пользоваться этим средством. Объект, привлекающий не набожных людей, всегда примет форму какой-нибудь глубокой идеей, какой-нибудь возвышенной проблемы; это — и должно сделаться предметом сосредоточения и ум должен быть твердо направлен на него. В этом случае притягательной силою явится умственный интерес, глубокая жажда знания, одна из сильнейших привязанностей человека. Другая очень плодотворная форма сосредоточения для того, кто не чувствует влечения к какой-нибудь личности, как к предмету своего благоговения, состоит в том, чтобы избрать какую-нибудь добродетель и сосредоточиться на ней. Подобный объект созерцания может возбудить очень реальный вид благоговения, т.к. он вызывает прямо к сердцу, возбуждая любовь к

интеллектуальной и нравственной красоте. Добродетель должна быть представлена в уме в возможно полном виде, и после общего обзора всех её свойств ум должен остановиться на её существенной природе. Это род сосредоточения имеет то большое вспомогательное преимущество, что по мере того, как ум формируется по образцу добродетели, повторяя её вибрации, эта добродетель сама постепенно становится частью характера и твердо внедряется в него. Это формирование ума действительно составляет акт само — создания, т.к. ум по прошествии некоторого времени сам собой принимает те формы, на которых он останавливался в своем сосредоточении и эти формы становятся органами его обычного проявления. Воистину, правильно старинное изречение: “Человек есть создание мысли; о чем он думает в этой жизни, тем становится он впоследствии”.

Когда ум отвлекается от предмета своего сосредоточения, благоговейного или интеллектуального — а это будет случаться время от времени — то необходимо его возвращать обратно и направлять на его прежнюю цель.

Сначала он очень часто не заметно отвлекается и человек вдруг замечает, что думает о чем то совершенно постороннем, а не о настоящем предмете размышления. Это будет повторяться неоднократно и нужно терпеливо возвращать ум к его объекту; процесс этот утомителен и скучен, но нет иного метода для приобретения способности сосредоточения. Когда ум бессознательно отклонился от предмета своего сосредоточения, полезно и поучительно бывает заставить его возвратиться назад по тому пути, по которому он следовал в своих отклонениях. Этот процесс дает большую власть всаднику над его убегающим конем и уменьшает его стремление вырваться на волю.

Последовательное мышление, хотя и составляет первую ступень к сосредоточению, не тождественно, однако, с самим сосредоточением, т.к. в последовательном мышлении ум переходит от образа к образу, а не останавливается только на одном представлении. Но ввиду того, что этот способ легче сосредоточения, начинающий может воспользоваться им, для того, чтобы подготовить себя к более трудной задаче.

Для человека набожного очень часто полезно бывает избрать какую-нибудь сцену из жизни объекта его благоговения и живо представить её себе во всех подробностях в соответствующей обстановке. Таким образом ум постепенно утвердился в одном

направлении и, наконец, может окончательно остановиться на центральной фигуре — объекте его благоговения. Когда сцена воспроизводится в уме, она сопровождается ощущением действительности и, таким образом, становится возможным войти в магнетическое соприкосновение с воспроизведением этой сцены на высшем плане, вечно пребывающем снимком её в космическом эфире, и таким путём достигнуть более глубокого познания её, чем то, которое могло бы дать какое либо описание. Таким же путем набожный человек может войти в магнетическое соприкосновение с объектом своего благоговения и через это непосредственное соприкосновение вступить с ним в общение более тесное, чем то возможно было бы иным путем. Поэтому что, как было уже раньше сказано, сознание не заключено в физические ограничения пространства, а существует всюду, где пребывает предмет, который оно познает.

Однако, не надо забывать, что само сосредоточение представляет нечто иное, чем такое последовательное мышление и ум, в конце концов, должен научиться останавливаться на созерцании лишь одного предмета и, будучи неуклонно устремлен на него, не размышлять о нем, а так сказать, вдыхать, вбирая в себя всё его содержание.

ГЛАВА ВОСЕМЬ. ПРЕПЯТСТВИЯ К СОСРЕДОТОЧЕНИЮ

Рассеянные умы

Все те, что начинают упражняться в сосредоточении, жалуются на то, что попытка сосредоточиться приводит ум в ещё большее беспокойство. До некоторой степени это верно, т.к. закон действия и противодействия функционирует и в данном случае, как всегда и везде, и давление, производимое на ум, влечёт за собой соответственное противодействие. Допуская это, мы всё же утверждаем, исследовать более внимательно этот вопрос, что это

“нарастание” беспокойства в значительной степени лишь кажущееся.

Чувство такого нарастания происходит главным образом вследствие борьбы, внезапно завязавшейся между Эго, требующим устойчивости и умом с свойственной ему подвижностью. В течение длинного ряда жизней Эго был захвачен умом в круговорот его быстрых движений, подобно человеку, постоянно носимому в пространстве на быстро-вращающемся земном шаре. Он не сознает этого движения, не чувствует, что земля движется, т.к. он составляет часть её, движущуюся вместе с нею. Если бы он мог отделиться от земли и прекратить свое собственное движение, не будучи разнесённым вдребезги, тогда только он был бы в состоянии сознать, что земля движется с поражающей быстротой. Пока человек следит за каждым движением ума, он не может сознавать его беспрерывной и беспокойной деятельности, но когда он сам останавливается, прекращает движение, тогда он начинает чувствовать неустанную подвижность ума, которой он до сих пор подчинялся. Тот, кто знает это, не придет в уныние, натолкнувшись в самом начале своих попыток на эти затруднения, но будет спокойно продолжать свою работу. Ведь это является лишь повторением затруднения, испытанного Арджуной пять тысяч лет тому назад: “это Йога, которая, как Ты сказал, достигается чрез равновесие, о убийца Мадху, я не вижу устойчивого начала для неё, вследствие непрестанного беспокойства; т.к. ум истинно мятежен, о Кришна ! Он — порывист, энергичен и его трудно покорить; полагаю, что его так же трудно обуздать, как и ветер”. И до сих пор ещё верен ответ (Шри — Кришны), указывающий “единственный” путь для успеха: — “Без сомнения, о Сильно-вооружённый, ум — трудно сдерживаем и беспокоен; но он может быть обуздан постоянным упражнением и беспристрастием” — А сдержанный таким образом ум не легко выходит из своего равновесия под влиянием блуждающих мыслей, рассеиваемых другими умами и ищущих себе обиталища, постоянно бесцельно толпясь вокруг нас. Ум, привыкший к сосредоточению, всегда сохраняет известную положительность и не легко поддаётся действию назойливых пришельцев. Все, занимающиеся воспитанием своего ума, должны находиться в состоянии неусыпной бдительности относительно тех мыслей, которые “приходят на ум” и должны делать между ними постоянный выбор. Отказ принять дурные мысли, быстрое их изгнание, если они уже вторгнулись и немедленное замещение

дурной мысли хорошею противоположного характера, — вот работа, в которой ум чрез некоторое время так приспособляется, что вскоре действует уже автоматически, отталкивая дурное по собственному побуждению. Гармонические и ритмические вибрации отстраняют негармонические и неправильные; они отлетают от ритмически вибрирующей поверхности, как камень, толкнувшийся о быстро вращающееся колесо. Живя среди постоянного тока мыслей, хороших и дурных, мы должны развить в нашем уме способность выбирать так, чтобы хорошее притягивалось, а дурное отстранялось автоматически.

Ум подобен магниту, он привлекает и отталкивает, и характер его притяжений и отталкиваний может быть установлен нами. Если мы понаблюдаем за мыслями, которые приходят в наш ум, мы заметим, что они носят характер тех дум, которые мы обыкновенно в себе поощряем. Ум притягивает те мысли, которые соответствуют его нормальной деятельности. Но если мы в течение некоторого времени сознательно будем производить выбор, то ум станет скоро выбирать самостоятельно, следуя по уже начертанному пути; и таким образом дурные мысли не проникнут в ум, тогда как хорошие всегда найдут двери его открытыми.

Большинство людей слишком восприимчиво, но эта восприимчивость от слабости, а не от сознательного предоставления самого себя более возвышенным влияниям. Поэтому полезно изучить, каким образом наша деятельность в нормальном состоянии может быть положительной и каким образом отрицательной, в тех случаях, когда мы решаем, что она должна быть таковою! — Привычка к сосредоточению сама по себе способствует укреплению ума, так что он легко сможет контролировать и выбирать мысли из числа тех, что приходят к нему извне; выше уже было разъяснено, как можно научить ум автоматически отталкивать всё дурное. Но надо прибавить к сказанному, что когда дурная мысль проникает в ум, лучше не бороться непосредственно с ней, но воспользоваться тем обстоятельством, что ум одновременно может думать лишь об одном предмете и направить его немедленно на какую-нибудь возвышенную мысль, а дурная таким образом в силу необходимости окажется изгнанной.

Если мы боремся против чего-нибудь, то та самая сила, против которой мы боремся, производит соответственное противодействие и тем усложняет наш труд; между тем, как устремление

ментального зрения на образ противоположного характера произведёт спокойное удаление первой из нашего кругозора.

Многие теряют целые годы в борьбе с нечистыми мыслями, между тем как спокойное занятие ума чистыми не оставило бы места для дурных; больше того, ум, привлекая к себе вещество, не отзывающееся на дурное, становится сам постепенно положительным и невосприимчивым к такого рода мыслям. Вот секрет правильной восприимчивости; ум отзывается на всё соответственное его составу; на всё, что носит одинаковый с ним характер. Мы делаем его положительным относительно дурного, отрицательным относительно хорошего тем, что приучаем себя самих думать хорошо, делая таким образом его вещество восприимчивым к хорошему и невосприимчивым к дурному. Мы должны думать о том, что желали бы воспринять и отказаться думать о том, чем не хотели бы проникнуться. Подобный ум привлекает к себе хорошие мысли из окружающего его океана мыслей, отталкивает дурные и, таким образом, становится всё чище и сильнее среди тех же самых условий, которые другого человека будут делать нечистым и слабым. Метод замещения одной мысли другою может быть использован с успехом в разных случаях. Если в уме появится неприязненная мысль о каком-нибудь человеке, она должна быть немедленно заменена мыслью о добродетели, которою обладает тот человек, или о каком-нибудь совершенном им хорошем поступке. Если ум обуреваем беспокойством, надо направить его на мысль о смысле жизни, о Благом Законе, “властно и кротко всё устрояющем”. Если какая-нибудь особенно нежелательная мысль настойчиво вторгается, тогда важно пустить в ход и особое оружие; надо найти какой-нибудь стих или изречение, содержащие идею противоположного характера и каждый раз, когда досадная мысль прокрадывается в ум — повторять их и размышлять над ними. По прошествии недели или двух надоедливая мысль перестает беспокоить.

Хорошо всегда иметь наготове какую-нибудь высокую идею, ободряющее изречение, вдохновляющее на доблестную жизнь. Каждый день, прежде чем погрузиться в море житейских забот, мы должны снабдить ум этим щитом — доброю мыслью. Достаточно нескольких слов, взятых из Писания, (священного для нас), будучи повторены несколько раз рано утром, они запечатлятся в мозгу и неоднократно придут на ум в течение дня, так что он будет повторять их машинально, каждый раз, как он окажется незанятым.

Опасности сосредоточения

Существуют некоторые опасности, соединенные с упражнением в сосредоточении, о которых необходимо предупредить начинающих, потому что многие из особенно ревностных в своём желании пойти вперёд как можно дальше, идут слишком поспешно и вместо того, чтобы облегчить свою работу, создают себе преграды. Тело может пострадать вследствие неведения и небрежности упражняющегося.

Когда человек сосредоточивает ум, тело его принимает напряженное положение и он этого не замечает, это происходит бессознательно с его стороны. Это влияние ума на тело замечается во многих незначительных случаях; усилие вспомнить заставляет нас наморщить лоб, устремить глаза в одну точку, а брови насупить; напряженно внимание сопровождается пристальным взглядом, беспокойство — горячим, тревожным взглядом. В течение веков за работой ума всегда следовала работа тела, ум был всецело направлен на удовлетворение потребностей тела, через физические усилия последнего, и таким образом установилась эта ассоциация между ними, действующая автоматически.

Когда начинают сосредоточиваться, то тело, согласно сложившейся привычке, следует за умом и в то время, когда напрягаются нервы — напрягаются и мышцы; отсюда громадное физическое утомление, мышечное и нервное истощение, а после сосредоточения часто появляются острые головные боли и некоторые, полагая, что эти болезненные последствия неизбежны, готовы уже бывают отказаться от сосредоточения.

На самом же деле их легко избежать простою предосторожностью. Нужно время от времени прерывать свое сосредоточение, чтобы заметить, в каком положении находится тело, и если оно напряжено, натянуто или судорожно сокращено, нужно ослабить его напряженность; если это проделать несколько раз, то связь их взаимодействия будет прервана и в то время, когда ум будет сосредоточиваться, тело будет оставаться гибким и спокойным.

Патанджали говорил, что положение тела во время созерцания должно быть “удобным и приятным”; своим напряжением тело не может помочь уму, а только повредить себе. Вот один случай из

моей личной жизни, подтверждающей сказанное. Однажды Е.П.Блаватская, под руководством которой я занималась сосредоточением, дала мне задачу, требовавшую напряжение воли; я напрягла её изо всех сил, вследствие чего вздулись кровеносные сосуды на голове. “Милая моя”, сказала она сухо, “волю проявлять не через посредство кровеносных сосудов”. Другая физическая опасность заключается в действии, производимом сосредоточением на нервные клеточки мозга. По мере того, как сила сосредоточения нарастает, ум утихает и Эго начинает через него действовать, последний предъявляет новые требования к нервным клеточкам мозга. Эти клеточки, как известно, состоят в виде конечных элементов из атомов, вся совокупность которых представляет коловращающиеся спириллы, по которым текут струи жизненной энергии. Мы имеем семь видов таких спирилл; из них функционируют лишь четыре, остальные три не действуют в настоящее время, находясь ещё в зачаточном состоянии. Когда высшие силы начинают изливаться, пролагая себе путь в атомах, ряд спирилл, предназначенных служить им проводником лишь в позднейшей эволюции, вызывается к деятельности. Если это происходит медленно и осторожно, то оно не причиняет вреда, но слишком сильное давление бывает причиной порчи нежного строения спирилл. Эти маленькие, тонкие трубки, находясь в бездействии, соприкасаются своими стенками, подобно трубкам из мягкого каучука; если же их сильно раздвинуть, то они могут разорваться. Признаком опасности является чувство тяжести и тупости в мозгу; если на него не обратить внимания, то это повлечёт за собой острую боль и может наступить упорное воспаление. Поэтому сначала надо упражняться в сосредоточении с большою уверенностью, и никогда не должно доводить его до мозгового утомления. Несколько минут подряд — достаточно для начала, а по мере того, как упражнение делается привычным, можно увеличивать его продолжительность. Но как бы коротко ни было время для сосредоточения, оно должно происходить ежедневно; если пропустить его хотя бы один день, то атом возвращается в свое прежнее положение и всю работу приходится начинать сызнова. Не слишком продолжительные, но постоянные и правильные упражнения дают наилучшие результаты и позволяют избегнуть опасности. В некоторых школах так называемой Хата-Йоги ученикам советуют, в виде вспомогательного средства, устремлять глаза на чёрное пятно на белой стене и пристально смотреть на него

до тех пор, пока они не впадут в транс. Этого не следует делать по двум нижеследующим причинам. Во-первых, это через некоторое время пагубно подействует на физическое зрение и глаза теряют способность приспособления. Во-вторых, это может вызвать известный род паралича мозга. Начинается он с утомления сетчатой оболочки глаз, когда световые волны достигают её, затем чёрная точка исчезает, вследствие того, что место на сетчатке, где отразился её образ, стало нечувствительным, под влиянием слишком продолжительной напряжённости. Это утомление распространяется во внутрь, пока наконец не наступает подобие паралича и ученик погружается в гипнотический транс. Известно, что на Западе чрезмерное возбуждение органа чувства считается средством для гипнотизирования и для этого употребляется вращающиеся зеркала, электрический свет и тому подобное. Паралич мозга не только останавливает всякое мышление на физическом плане, но делает мозг нечувствительным и к высшим вибрациям, так что Эго не может класть на него отпечаток; паралич мозга не освобождает Эго, а лишь лишает его орудия. Человек может неделями оставаться в трансе, вызванном таким путём, но проснувшись он не сделается мудрее, чем был до транса. Он не достиг познания; он просто потерял время. Эти способы не развивают духовной силы, но лишь производят физическую слабость.

Созерцание

Мы, собственно говоря, уже разъяснили выше, что такое созерцание, т.к. оно ничто иное, как утвердившееся положение ума, сосредоточенного на объекте благоговения или на проблеме, требующей освещения, чтобы быть постигнутой, или на чем-нибудь, из чего надлежит извлечь и усвоить скорее жизнь, чем форму.

Пока, хотя бы до некоторой степени, вы не овладеете сосредоточением, созерцание не может быть осуществлено.

Сосредоточение не есть цель, а лишь средство для достижения её; оно создает из ума орудие, которое может быть использовано по желанию владельца. Когда уже сосредоточенный ум обращен исключительно на один предмет, имея в виду проникнуть его покровы и достигнуть жизни его и соединить эту жизнь с той, к

которой принадлежит ум — тогда только осуществляется созерцание.

Сосредоточение можно рассматривать, как созидание орудия; созерцание — это его применение. Ум приобрел “заостренность”; тогда он направляется и твёрдо устанавливается на каком-нибудь предмете, который требуется познать.

Каждый человек, решивший вести духовную жизнь, должен ежедневно некоторое время посвящать созерцанию.

Скорее, пожалуй, можно поддержать физическую жизнь без пищи, чем духовную без созерцания. Тот, кто не способен уделить получаса в день, в течение которого мир был бы закрыт для него и ум мог бы получить с высших планов струю жизни, тот не может вести духовной жизни. Божественное может открываться только сосредоточенному непоколебимому уму, закрытому для сего мира.

Бог проявляется в своей вселенной в бесчисленных формах; в глубине же человеческого сердца Он проявляет Своё Бытие и Природу, открываясь тому, кто есть частица Его Самого. В этой тишине покой, крепость и сила наполняют душу и созерцательный человек всегда самый сильный в этом мире.

Лорд Розберри, говоря о Кромвеле, назвал его “практическим мистиком” и сказал, что практический мистик — это величайшая сила в мире. И это верно. Сосредоточенная духовная сила, способность изолировать себя от суеты проявляются в безмерном нарастании энергии во время работы, в стойкости, самообладании, в спокойствии. Человек созерцания никогда не тратит напрасно времени, не расточает энергии, не упускает удобного случая.

Подобный человек управляет событиями, т.к. внутри его живут те силы, внешним выражением которых являются события; он участвует в божественной жизни, следовательно, обладает и божественной силой.

ГЛАВА ДЕВЯТЬ. КАК УКРЕПИТЬ СИЛУ МЫСЛИ

Теперь мы можем приступить к изучению практического применения силы мысли, т.к. изучение, не ведущее за собой практического применения — бесплодно. До сих пор верно древнее изречение: “Цель философии — положить конец страданию”. Мы должны заниматься развитием, а затем применением уже развитой силы мысли на пользу всех окружающих нас, как живых, так и тех , кого мы называем мёртвыми, дабы ускорить таким образом человеческую эволюцию и двинуть также и нашу собственную. Сила мысли может быть увеличена только постоянным и настойчивым упражнением; мускульное развитие зависит от упражнения тех мускулов, которыми мы уже обладаем, так точно и ментальное развитие зависит от упражнения ума, которым мы уже владеем.

Таков закон жизни, что укрепление является результатом упражнения. Жизнь — наше Высшее Я — постоянно стремиться проявиться всё полнее и полнее во внешнем мире чрез посредство той формы, в которую оно заключено. Его давление на форму, происходящее от упражнения, заставляет последнюю расширяться и новый материал вносится в форму, придавая, таким образом, устойчивость расширенной части. Когда мускул напряжён, его жизненность увеличивается, клетки умножаются и мускул, таким образом, увеличивается. Когда ментальное тело вибрирует под действием мысли, новый материал проникает в него из ментальной атмосферы и оно, таким образом, увеличивается в размере и становится более сложным в своём составе. При постоянном упражнении ментальное тело растет независимо от того, хорошие ли или дурные мысли вводятся в него. Количество мыслей определяет рост тела, качество их — род того вещества, которое вводится при этом росте.

Клеточки серого вещества физического мозга умножаются вследствие упражнения мозга в мышлении. Посмертные вскрытия показали, что мозг мыслителя не только больше и тяжелее мозга пахаря, но и представляет более значительное количество извилин. А эти извилины увеличивают значительно поверхность серого нервного вещества, представляющего из себя непосредственное физическое орудие мысли.

Итак, ментальное тело, как и физический мозг увеличиваются путём упражнения, и желающие их улучшить и развить должны практиковать правильную ежедневную медитацию с сознательной целью усовершенствовать свои ментальные способности. Излишне

прибавлять, что силы, присущие Познавателю, благодаря этим упражнениям, тоже развиваются быстрее и всё интенсивнее действуют на проводники. Чтобы упражнение могло привести к полному успеху, необходимо, чтобы оно исполнялось регулярно. Надо выбрать интересную книгу, написанную вполне компетентным автором и содержащую новые и сильные мысли. Следуя медленно прочесть одно или несколько предложений, а затем напряженно и тщательно продумать прочитанное.

Хорошо употреблять на обдумывание вдвое более времени, чем на чтение, т.к. цель чтения составляет не приобретение только новых идей, но укрепление мыслительных способностей. Следует назначить для этого полчаса, а для начала достаточно и четверти часа, т.к. неослабное внимание сначала окажется немного утомительным. Каждый, кто примется за подобное упражнение и будет исполнять его регулярно в течение нескольких месяцев, к концу этого времени ощутит явственное увеличение ментальной силы и способен будет разрешать обыкновенные жизненные задачи с гораздо большим успехом, чем раньше. Природа — справедливый плательщик: она каждому платит по заслугам, но ни полушки больше. Кто желает получить награду от увеличивающейся способности мыслить, должен заслужить её напряжённой работой.

Задача эта — двойная, как мы уже говорили. С одной стороны — извлекаются силы Сознания, с другой — развиваются те формы, посредством которых проявляется Сознание; и первый из этих пунктов никогда не должен забываться. Многие люди признают ценность точного мышления, поскольку оно воздействует на мозг, но надо помнить, что источником каждой мысли является несотворенное и бессмертное “Высшее Я”, и что поэтому они только извлекают то, чем уже обладают. В них живёт всякая сила и они должны только научиться пользоваться ею, ввиду того, что божественное Я — корень жизни, а познание — аспект этого Я — живет в каждом из нас, постоянно ища случая для своего более полного проявления. Сила — несотворенная, вечная — живет внутри каждого человека; форма созидается и изменяется, но жизнь это — Высшее Я человека, и способности его безграничны. Эта сила внутри нас есть та самая сила, которая создала вселенную; это — сила божественная, а не человеческая, она — часть жизни Логоса и неотделима от Него.

Если бы люди всегда об этом помнили и знали, что затруднения происходят не от недостаточности способностей, но от

несовершенства орудия, то они стали бы работать с большей смелостью и надеждой, а потому и с большим успехом. Надо всегда сознавать, что сущность нашей природы — познание и что в нашей власти дать ему (более или менее совершенное) выражение в этом его воплощении. Выражение это будет без сомнения ограничено мыслями наших прошлых существований, но может быть теперь же усовершенствовано и усилено — той же самою силою, которая в этом прошлом созидала настоящее. Формы пластичны и — хотя и медленно — могут быть переделаны вибрациями жизни.

Но больше всего надо помнить, что для непрерывного роста обязательна регулярность упражнений.

Если будет пропущен один день, то потребуется 3 или 4 дня для уравновешения этого шага назад, особенно в ранние периоды роста. Когда привычка к точной и устойчивой мысли уже приобретена, то правильность упражнений не имеет такого значения. Но пока эта привычка не будет окончательно установлена, регулярность крайне важна, т.к. прежняя привычка — предоставление мысли свободного течения — самопроизвольно восстановляется и вещество ментального тела принимает свои прежние формы, которые, при возобновлении прерванных упражнений, нужно будет вновь разрушать. Лучше упражняться ежедневно пять минут, чем по получасу в некоторые дни и вовсе не упражняться в другие.

Беспокойство, его значение

и способы к его искоренению

Правильно говорят, что люди стареют больше от беспокоящих их мыслей, чем от работы. Работа, если она не чрезмерна, не приносит вреда мыслительному аппарату; наоборот, она укрепляет его. Но ментальный процесс, известный под именем “беспокойства” очень определенно вредит ему, производя через некоторое время нервное истощение и раздражительность, которые делают длительные умственные занятия невозможными.

Что такое “беспокойство”? Это — постоянное повторение одного и того же ряда мыслей (с незначительными изменениями), не приводящего ни к какому результату и даже не стремящегося к достижению его. Это — непрерывное воспроизведение мыслеформ, зачатых не в сознании, а в ментальном теле и мозгу и навязанных

ими сознанию. Как переутомленные мускулы не могут быть спокойны, а тревожно двигаются даже против воли, так и утомленное ментальное тело и мозг всё повторяют вибрации, которые их изнурили и Мыслитель тщетно пытается их успокоить.

Здесь мы снова встречаемся с автоматическою деятельность, выражающеюся стремлением двигаться в том направлении, в котором движение уже совершалось. Мыслитель размышляет о чем-нибудь озабочивающем его и пытался придти к какому-нибудь определённому и могущему быть использованным выводу. Он этого не достиг и перестал думать, но остался всё же неудовлетворённым, жаждущим какого-либо разрешения и испытывает страх перед ожидаемой печалью. Этот страх и поддерживает в нём озабоченное и беспокойное состояние, вызывая беспорядочный прилив энергии. И вот ментальное тело и мозг под давлением этой энергии и желания, но не направленные уже Мыслителем, продолжают вибрировать и воспроизводить образы, уже раз сформированные и отброшенные. Эти образы насильно навязываются вниманию, постоянно возобновляясь. По мере увеличения утомления увеличивается и раздражительность, которая регулирует и на явления утомления и, таким образом, действие и противодействие следуют одно за другим в неправильном круговращении.

Когда же Мыслитель утомлен, он становится рабом тел служащих ему и страдает под их тиранией. Однако тот же самый автоматизм ментального тела и мозга, эта склонность повторять раз уже произведённые вибрации, могут быть использованы и для искоренения бесплодного повторения мыслей, причиняющих страдание. Когда течение одной мысли проложило уже себе русло, мысле-форму, то новые течения мысли захотят следовать по тому же пути, как по линии наименьшего сопротивления. Мысль, причиняющая страдание, легко появляется вновь под влиянием страха; точно так же как мысль, доставляющая удовольствие, появляется под влиянием стремления к удовольствию. Ментальное тело и мозг, не занятые какой-нибудь непосредственной работой, склонны повторять формы и устремлять ни к чему непримененную энергию в уже подготовленное русло.

Наилучшим способом для уничтожения такого “русла-беспокойства” является созидание другого русла, диаметрально противоположного характера. Такого рода русло можно создать, как мы уже раньше говорили, посредством определённой, настойчивой и точной мыли. Каждый человек, страдающий от “беспокойства”,

должен утром уделить три-четыре минуты размышлению над какой-нибудь высокой и ободряющей его мыслью, например: “Моё Я — есть Покой, Я есмь это Я Моё Я — есть Сила; Я есмь это Я”. Пусть он размышляет о том, что в своей глубочайшей сущности он составляет единое с Отцом Всевышним; о той своей сущности, в которой он бессмертен, неизменен, свободен от всякого страха, чист и силен. Пусть он размышляет о тех тленных одеждах, в которые он облачен и которые так чувствительны к уколам страдания, к грызущему душевному беспокойству и о том заблуждении, которое он делает, принимая их за самого себя. И когда он будет так размышлять, мир снизойдёт на него и он почувствует себя в своей настоящей, свойственно ему атмосфере.

Если он будет делать это каждый день, то эта мысль скоро проложит собственное русло в ментальном теле и в мозгу и в непродолжительном времени, когда ум будет свободен от какой-либо работы, мысль об “Я, которое есть Покой и Сила”, появится самопроизвольно и обовьет ум своими крыльями даже среди мирской суеты.

Ментальная энергия естественным образом будет изливаться в это русло и беспокойство отойдёт в область прошлого.

Другой способ состоит в приучении ума полагаться на Благой Закон укореняя, таким образом, чувство довольства. Человек проникается мыслью, что всё происходит в силу Закона и что ничего нет в жизни случайного. Достичь до нас может лишь то, что исходит от Закона, какова бы ни была рука, видимым образом осуществляющая его влияния. Ничто не может причинить нам зла, если мы его не заслужили, если оно не вызвано нашими прежними желаниями или поступками. Ничто не может обидеть нас, не будучи орудием Закона, взыскующего следуемое с нас. Даже в том случае, когда предчувствие горя или заботы охватывает наш ум, ему следует встретить их спокойно и примириться с ними. Острота боли утихает, когда мы покоряемся решению Закона, чего бы это не касалось. И это нам сделать будет ещё легче, если мы будем помнить, что Закон действует в целях нашего освобождения, заставляя нас в темнице и, хотя Он причиняет нам страдание, это страдание — путь к счастью. Каждая скорбь, в каком бы виде она ни явилась , клонится в конце концов к нашему благополучию, разрывая оковы, которые держат нас привязанными к вечно вращающемуся колесу рождений и смертей. Когда эти мысли будут

усвоены, ум перестанет предаваться беспокойству; потому что когтям беспокойства не под силу пробить щит Мира.

Мышление и остановка мышления

Много силы можно приобрести, если научиться не только думать, но и останавливать мышление по собственной воле. Пока мы думаем, мы должны весь наш ум обратить на мысли и стараться думать изо всех сил. Когда же работа мысли окончена, мысль должна быть отброшена “совершенно” и нельзя дозволять ей бесцельно носиться, не касаясь нашего ума, то оставляя его, подобно лодке, бьющейся о скалы. Человек приводит машину в действие лишь тогда, когда надо исполнить какую-нибудь работу, а не расходует её сил напрасно. Ментальной же силе, имеющей неизмеримую ценность, позволяют работать и тратить энергию без всякой цели и пользы. Научиться прекращать мышление, предоставляет уму отдых, составляет приобретение большой важности. Как усталые члены во время отдыха восстанавливают свои силы, так и утомленный ум обретает силы в состоянии покоя.

Постоянное мышление — это постоянные вибрации; а постоянные вибрации — это постоянное расходование.

Такая бесполезная трата энергии, влечет за собой истощение и преждевременное разрушение, но человек может сохранить и ментально тело, и мозг, если научиться прекращать мышление, когда мысль не направлена ни на какую определённую цель. Правда “прекращение мышления” — дело не лёгкое. Быть может оно даже гораздо труднее самого процесса мышления. До полного установления этой способности, надо упражняться в “прекращении мышления” только на очень короткие промежутки времени, т.к. для того, чтобы удержать ум в покое, требуется значительный расход энергии. После того, как вы серьезно размышляли, надо отбросить мысль, а если она стремится возвратиться — надо отвлечь от неё внимание. Надо обязательно отворачиваться от каждой самозванной мысли; в случае надобности, вообразите себе пустоту, как шаг к спокойствию, и попытайтесь сознавать лишь тишину и темноту. Работа в этом направлении будет становится всё яснее и яснее, если она будет настойчива, а приобретение ощущение покоя и тишины поощрит вас в вашей настойчивости. Надо помнить, что приостановка мысли, обращенной к внешней деятельности,

является необходимым предварительным условием для работы на высших планах. Когда мозг научился уже пребывать в покое, когда он больше не возобновляет постоянно несвязные образы своей прошлой деятельности, тогда только для Сознания открывается возможность свободно действовать на своем собственном плане. Тот, кто хочет сделать этот смелый шаг в течение своей настоящей жизни, должен научиться прекращать мышление, потому что только тогда, когда “изменения мыслящего начала” прекратятся на низшем плане, может быть достигнута свобода (действия) на высшем.

Другой способ предоставления покоя ментальному телу и мозгу — и способ более лёгкий, чем прекращение мышления — состоит в перемене мысли. Человек, серьёзно и напряженно думающий в одном каком-нибудь направлении, должен иметь и другой объект для мышления, отличный насколько возможно от первого, к которому он мог бы направить свой ум для отдохновения.

Чрезвычайная свежесть и молодость мысли, так характеризовавшая В.Гладстона во дни его старости, была в значительной степени следствием разнообразия его умственной деятельности. Главнейшею и постоянною его деятельностью была политика, а исследования по богословию и истории Греции заполняли часы его досуга. Правда, он был посредственный теолог и, я не могу сказать, обогатил ли он Грецию своими исследованиями; но хотя мир и не обогатился его теологическими изысканиями, то всё же этим занятиям он обязан тому, что сохранил свой ум живым и восприимчивым. Противоположный пример являет нам Чарльз Дарвин, который очень жалел в старости, что дал совершенно заглохнуть другим своим способностям, которые позволили бы ему заниматься и другими предметами, помимо своей специальности. Литература и искусство не интересовали его и он живо чувствовал те ограничения, которым сам себя подверг углубившись исключительно в свою специальность. Человеку необходимо разнообразие в его занятиях, касается ли это мышления или физического тела, т.к. он может пострадать от умственной судороги, как страдают, например, пальцы от постоянного писания.

Особенно важно, быть может, для людей поглощенных практическою деятельностью, заниматься ещё чем-нибудь, отвечающим их способностям, но далеким от деловой деятельности, как, например, искусством, наукой или литературой, которые могли бы им доставить и умственное отдохновение и образование. И прежде всего молодые люди, раньше, чем их свежий и деятельный

мозг станет дряхлым и изнуренным, должны бы были избрать себе занятия такого рода; тогда в старости они найдут в самих себе ту силу, которая украсит и озарит их последние годы. Форма сохраняет свою эластичность на гораздо больший период времени, если ей, таким образом, путем разнообразных занятий, доставляют известный отдых.

Тайна успокоения ума

Во всём том, что уже нами рассмотрено, мы нашли указания на кое-какие способы, посредством которых можно достичь успокоения ума. Но основным условием для него является ясное сознание и понимание нашего места во вселенной.

Мы составляем часть одной великой Жизни, которая не ни ошибок, ни ослабления напряжения и силы, которая “властно и мягко управляя всеми вещами”, влечёт миры к их цели. Представление о нашей незначительной жизни, как об отдельной независимой единицы, борющейся лишь собственными силами с другими отдельными и независимыми единицами, есть одно из самых печальных заблуждений. Пока мы будем смотреть на мир и жизнь с этой точки зрения — покой недостижим для нас. Когда мы почувствуем и познаем, что все “я” есть одно, тогда ум наш обретёт покой, без опасения его утратит.

Все наши горести происходят от того, что мы смотрим на себя, как на отдельные единицы, и оттого, что, обращаясь кругом своей собственной ментальной оси, думаем только о наших личных выгодах, наших личных стремлениях, радостях и горестях. У некоторых это касается лишь низших сторон жизни и — это наиболее неудовлетворительные из всех: они вечно стремятся захватить всё больше из общих материальных благ, и копят бесполезные богатства. Другие думают о своём личном развитии в высшей жизни; это — хорошие, серьёзные люди, но тоже вечно недовольные и беспокойные. Они всегда заняты созерцанием и анализом самих себя: “Двигаюсь ли я вперед? Знаю ли я больше, чем в прошлом году?” и тому подобное; они озабочены доказательствами своего прогресса, все их мысли сосредоточены на личном внутреннем преуспевании.

Нельзя найти покой в постоянном стремлении к удовлетворению отдельного “Я”, даже если это удовлетворение высшего порядка.

Покой пребывает лишь в отречении от своего отдельного “Я”, в утверждении Высшего Я, которое Едино, того Я — которое проявляется на “каждой” ступени эволюции, содержится в нас постольку же, поскольку и в других людях, и которое даёт удовлетворение всем. Стремление к умственному прогрессу имеет большую ценность, пока низшие желания подавляют и связывают стремления человека, начинающего над собой работать; в нем он черпает силу, освобождающую его от них; но оно не даёт, не может дать счастья, которое приходит только тогда, когда отдельное “я” будет отвергнуто, а великое Высшее Я будет признано целью, ради которой мы живем во вселенной. Ведь и в обыкновенно жизни самые счастливые — это бескорыстные люди, те, которые трудятся для счастья других, забывая самих себя.

Мы все — это Высшее Я и потому радости и горести других — столько же принадлежат нам, как и им, и поскольку мы чувствуем это, поскольку выучились жить таким образом, что вся вселенная участвует в жизни, текущей в нас, постольку и наши умы познают Тайну Мира. “Тот человек достигает Мира, в котором все желания исчезают, как реки в океан, переполненном водою, но остающимся неизменным; не приобретает Мир тот, кто ищет желаний (Bhagavad — gita 11.10). Чем больше мы вожделеем, тем сильнее растет в нас жажда счастья — т.е. несчастья.

Тайна Мира зиждется на познании Высшего Я и мысль, что “это Высшее Я — есмь Я” ведёт нас к достижению покоя ума, нарушить который ничто не в силах.

ГЛАВА ДЕСЯТЬ (ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ)

Самым ценным приобретением для человека, вырабатывающего в себе силу мысли, является увеличение его способности помогать окружающим, тем, кто слабее, чем он, кто ещё не научился пользоваться собственными силами. Если он приобрёл умственный

и душевный мир, то он обладает всеми данными, чтобы помогать другим. Простая благожелательная мысль может в известной мере принести помощь, но он может надеяться сделать гораздо больше, чем бросить корку хлеба умирающему с голоду. Возьмём, например, человека преданного такому пороку, как пьянство — желательно ему помочь.

Для этого надо узнать, если возможно, те часы, когда ум больного ничем не занят, например, часы его сна, т.к. всего легче воздействовать, когда человек спит. Тогда надо усесться одному и мысленно, насколько возможно живо, представить больного сидящим перед собою, представить его ясно и точно, чтобы видеть этот образ так же ясно, как если бы больной действительно сидел перед вами. (Живость этого образа не представляет существенной необходимости, но значительно облегчает весь процесс и делает его более действительным). Затем нужно остановить своё внимание на этом образе и со всею сосредоточенностью, на которую вы способны, надо обратиться к нему с мысленною речью, посылая медленно одну за другой все мысли, которые желательно запечатлеть в уме больного. Надо выразить свои мысли в ясных ментальных образах, как если бы вы это делали, излагая перед ним словесно. Во взятом нами случае надо представить больному живую картину болезней и несчастья, которые влечёт за собой пьянство, и нервное разрушение всего организма, как неизбежный конец. Если больной спит, он будет привлечён к тому, кто таким образом думает о нем и оживит образ, представляющий его. Успех зависит от силы сосредоточения и той настойчивости, с которой мысль будет направлена на больного и соразмерно развитию силы мысли будет и её влияние.

Надо остерегаться в подобных случаях, чтобы никоим образом не пытаться овладеть волею больного; усилие должно быть направлено только на представление его уму идей, которые, взывая к его разуму и чувствам, могли бы привести его к здравому выводу и побудить его сделать усилие для его выполнения. Если будет сделана попытка навязать больному известный образ действий и если эта попытка даже увенчается успехом, то этим будет достигнуто очень мало, потому что ментальная склонность, заставляющая следовать порочным влечениям, совершенно не будет изменена поставленным на ею пути препятствием: остановленная в одном направлении, она устремится по другому и новый порок вытеснит старый.

Человек, насильно принужденный к воздержанию, вследствие овладения его волей, излечен от своего порока не более, как если бы он был заключён в тюрьму. Кроме того, никто не должен стараться навязать своей воли другому, даже делая этим ему сделать добро. Прогресс нельзя двинуть вперёд таким внешним давлением: надо убедить разум, пробудить и очистить чувства, другим путём ничего существенного не может быть достигнуто.

Если вы хотите помочь человеку в чем-нибудь другом, вы должны поступать таким образом: вообразить себе того, кому вы хотите помочь и ясно представить ему те идеи, которые желательно, чтобы он воспринял. Горячее желание ему добра, как некая действующая, оберегающая его сила, пребывая около него, как мыслеформа в течение некоторого времени, соразмерно напряженно посланной мысли, будет охранять его против зла, становясь как бы преградой против враждебных мыслей и даже предохраняя его от физических опасностей. Мысль покоя и утешения, таким образом посланная, облегчает и успокаивает ум, распространяя вокруг её объекта атмосферу спокойствия.

Помощь, которую мы часто оказываем нашею молитвою, большею частью явление такого рода: благотворное влияние, оказываемое молитвою, более, чем обыкновенными доброжелательными пожеланиями, объясняется большой сосредоточенностью и напряженностью, которые вкладывает благочестивый верующий в свою молитву. Подобная сосредоточенность и напряженность имели бы те же самые результаты и без молитвы.

Без сомнения есть и другая сторона, с которой молитва иногда очень существенна: она призывает внимание какого-нибудь сверхчеловеческого, или очень развитого человеческого духа на то лицо, о котором молятся и тогда ему может быть оказана помощь сильнейшая, чем та, которою располагает молящийся.

Быть может здесь кстати вставить одно замечание: не вполне ещё сведущие теософы не должны тревожиться и воздерживаться от оказания мысленной помощи в размере их способностей, из опасения “вмешательства в действие Кармы”. Оставьте Карму заботиться о себе и не опасайтесь вмешательства в её действия более, чем вмешательства, например, в закон тяготения. Если кто может помочь, пусть делает это без всякого страха, он может быть уверен, что эта помощь находится значит в пределах Кармы, а он сам является счастливым исполнителем Закона.

Помощь, так называемым, умершим

Всё, что мы можем сделать посредством мысли для живых, мы можем сделать и даже гораздо легче для тех, кто раньше нас прошли чрез ворота смерти, потому что в этом случае нам не нужно иметь дело с плотной физической материей, которую необходимо ещё заставить раньше вибрировать, чтобы мысль могла бы коснуться бодрствующего сознания.

После своей смерти человек обращает всё своё внимание на внутреннюю жизнь, скорее на жизнь своего ума, чем на внешний мир. Течения мысли, которые обыкновенно устремлялись к внешнему миру, отыскивая его посредством органов чувств, теперь находят себя окруженными пустотой по причине исчезновения этих орудий. Это похоже на то, как если бы человек, спешивший к обычному мосту через пропасть, очутился бы внезапно на краю её; мост исчез. Преобразование астрального тела, которое быстро следует за потерею физического тела, способствует ещё более погружению в ментальные энергии и отвращению от внешнего проявления. Астральное вещество, если только оно не потревожено каким-либо влиянием со стороны оставленных им на земле людей, создает себе защитную оболочку вместо пластического орудия и чем возвышеннее, чем чище была прекратившаяся земная жизнь, тем более непроницаемой будет преграда, охраняющая его от впечатлений извне. Но человек, таким образом; скованный в смысле развития своей энергии, становится тем более восприимчивым ко всем влияниям ментального плана и поэтому он может пользоваться нашей мысленной помощью, советами и утешениями в гораздо большей степени, чем тогда, когда был на земле.

В мире, где живут существа, освобожденные от физического тела, любящая мысль так же осязательна для чувств, как здесь любящее слово или нежная ласка. Поэтому вслед за каждым умершим следовало бы посылать мысли любви и покоя и горячо желать ему быстро пройти через долины смерти и проникнуть в светлые области. Очень многие остаются в промежуточном состоянии дольше, чем то случилось бы при других условиях, и только потому, что им предписано их дурною Кармою не иметь друзей, знающих, как помочь им по ту сторону смерти. И если бы люди на земле знали, как много отрады и счастья испытывают эти

странники в небесных мирах от этих истинно ангельских вестников — мыслей утешения и любви, если бы они знали, какой укрепляющей и ободряющей силой они обладают, тогда конечно, никто не был бы оставлен одиноким там — теми, которые остались на земле. Дорогие “умершие” несомненно имеют право на нашу заботу и любовь, не говоря уже о том, какое утешение может быть для сердца, лишенного присутствия того, кто освещал жизнь, знать, что он может всё-таки служить любимому человеку и окружать его на его пути ангелами хранителями — мыслями.

Оккультисты, основатели великих религий никогда не забывали этой возможности оставшихся на земле оказывать помощь тем, которые опередили их. Индусы имеют свою Шрадха (Shraddha), через посредство которой они помогают перешедшим в следующий мир душам и ускоряют их переход в Сваргу. Христианские Церкви имеют заупокойные литургии и молитвы за “умерших”. “Успокой, Господи, душу усопшего раба Твоего” молится христианин за перешедшего в иной мир. Только протестантская ветвь христианства оставила этот милосердный обычай, как многие другие, касающиеся высшей жизни христианства. Да восстановит знание этот полезный и благодетельный обычай, которого она лишилась по неведению!

Деятельность мысли вне тела

Мы не должны ограничивать деятельность нашей мысли только часами, проводимыми нами в физическом теле, т.к. мы можем очень производительно мысленно работать и тогда, когда наши тела мирно спят.

“Спать” — просто значит, что Сознание, облечённое в свои более тонкие тела, удаляется из физического тела и оставляет его погруженным в сон, между тем как сам человек переходит в астральный мир. Освободившись от физического тела, человек становится гораздо сильнее в области деятельности своей мысли, но большею частью он не устремляет её во внешний мир, использует её для своего внутреннего мира, останавливаясь на предметах, которые интересовали его в часы бодрствования. Его мыслительная энергия отливается в привычные формы и работает над проблемами, разрешением которых занято было его бодрствующее Сознание.

Пословица “утро вечера мудренее” — совет, даваемый тем, которые должны предпринять какое-нибудь решение “выспаться раньше, чем решать” = это всё составляет смутные намёки на то, что умственная деятельность продолжается и во время сна.

Без всякой определённой попытки использовать теперь освобожденную умственную деятельность, люди собирают и пожинают плоды этой деятельности.

Однако те, которые намереваются вести свою эволюцию, а не предоставить её, её собственному течению, должны сознательно воспользоваться той большею силою, которая находится в их распоряжении, когда они не связаны тяжестью тела. То, что для этого нужно сделать — очень просто. Собираясь заснуть, вы должны спокойно представить уму ту проблему, которую хотите решить; не надо её доказывать или исследовать, чтобы не воспрепятствовать сну, надо просто её формулировать, вот и всё. Этого достаточно, чтобы дать мысли нужное направление. Мыслитель, освободясь от физического тела, воспримет её и займется ею. Обыкновенно решение представляется уму в момент пробуждения, т.е. Мыслитель запечатлевает её в мозгу; поэтому хорошо иметь под рукой карандаш и бумагу, чтобы по пробуждении немедленно записать решение, т.к. оно, будучи достигнуто таким путем, может легко изгладиться из памяти под давлением впечатлений из физического мира, а возобновить его не легко. Многие затруднения в жизни могут быть выяснены этим путем и удается наметить путь среди окружающих препятствий. Много умственных проблем могут таким же образом найти себе разрешение, будучи представленными уму в то время, когда он не отягчен физическим мозгом. Таким же образом во время сна можно оказать много помощи людям, как в нашем, так и ином мире. Надо представить себе в уме этого человека и поставить себе целью найти его и помочь ему. Этот умственный образ соединит его с тем человеком и вызовет их общение в другом, астральном мире. Но в том случае, если мысль возбуждает какое-либо волнение, надо постараться, перед погружением в сон успокоить это волнение. Это волнение в астральном теле вихрь, а если это тело находится в состоянии сильного колебания, то Сознание изолируется и ментальные вибрации не могут выйти наружу. Некоторые случаи подобного общения в астральном мире запечатлеваются в пробудившейся памяти, в форме “сна”, иные не оставляют после себя никакого следа. Сон это есть воспоминание — часто неясное и

смешанное с посторонними вибрациями — о встрече вне физического тела, так на него и надо смотреть. Но если даже в мозгу и не сохраняется никакого следа — это не важно, т.к. деятельность освобожденного Манаса нисколько не препятствует неведению мозга, не принимающего в ней участия.

Влияние, которое может оказывать человек в астральном мире, совершенно независимо от воспоминаний, запечатлеваемых в мозгу возвращающимся Сознанием и эти воспоминания могут совершенно отсутствовать тогда, когда самая плодотворная работа может наполнять часы нашего сна.

Другой вид деятельности мысли, о которой часто забывают и которую можно производить, находясь в физическом теле, как и вне его, заключается в мысленном участии в великих делах, в коллективных движениях, совершаемых ради человечества. Размышлять о них определённым образом — значит излучать токи помощи из внутренних планов нашего существа; мы специально займемся этим вопросом в связи с

Силой соединенной мысли

Увеличение силы, являющееся результатом единения нескольких человек для помощи общему делу, признается не только оккультистами, но всеми, кто более или менее сведущ в более глубокой науке духа. Существует обычай, по крайней мере в некоторых христианских странах, перед отъездом миссионеров на проповедь Евангелии в какую-нибудь специально избранную страну, собраться вместе для определённого и сосредоточенного размышления. Небольшой союз римских католиков в продолжении нескольких недель или месяцев перед отправлением миссии собирается вместе для того, чтобы подготовить почву для будущей деятельности, представляя себе местность предстоящей деятельности, воображая себя уже присутствующими там, наконец, тщательно разбирая какой-нибудь определённый догмат церкви. Таким образом они создают в данной области мысленную атмосферу, более благоприятную для распространения римско-католического учения и более восприимчивые умы уже подготовляются, таким образом, к восприятию от них учения. Этой деятельности мысли помогает напряжённость, вытекающая из горячей молитвы, другого вида мыследеятельности,

воспламенённой религиозным рвением. Созерцательные ордена римско-католической церкви совершают посредством силы мысли доброе и полезное дело; точно так же, как и аскеты, принадлежащие к индуизму и буддизму. Всюду, где возносится добрая и чистая мысль, одушевлённая идеей помощи миру, распространения благородных и возвышенных идей, служения человечеству — там оказывается истинная услуга и одинокий мыслитель становится одним из рычагов вселенной.

Группа людей с одинаковыми убеждениями, например, группа теософов, может сделать многое для распространения теософических идей в окружающей их среде, согласись между собой посвящать ежедневно десять минут размышлению о каком-нибудь теософическом положении. И для этого совершенно не надо, чтобы они сам собирались в каком-нибудь одном месте, лишь бы были одушевлены одной мыслью. Положим, что такая группа решила ежедневно 10 минут в назначенное время думать о перевоплощении в течение трёх или шести месяцев.

Сильные мыслеформы распространились бы по данному району и идея о перевоплощении вошла бы в большое количество умов. Начали бы осведомляться, искать книги об интересующем предмете и доклад о нем после такого подготовления привлек бы и заинтересованных слушателей. Прогресс, гораздо больший чем физическое посредничество, замечается там, где для такой духовной пропаганды работают серьёзно преданные одной идее мужчины и женщины.

Заключение

Таким образом мы можем научиться пользоваться этими великими силами, которые находятся внутри нас и пользоваться с возможно большим успехом. По мере того, как мы их упражняем, они нарастают и, наконец, с удивлением и радостью мы убеждаемся, что обладали громадною силой для служения человечеству.

Надо помнить, что мы всегда пользуемся этими силами, бессознательно, порывами, слабо, но постоянно действуя на всех окружающих нас на нашем жизненном пути к лучшему ли или к худшему (в этой книге мы старались побудить читателя пользоваться этими силами непрерывно, сознательно и энергично). Мы не можем не думать, как бы ни были слабы течения мысли, которые мы порождаем. Мы неизбежно влияем на всех окружающих нас, всё равно хотим ли мы того или нет; единственным вопросом является лишь, хотим ли мы влиять благотворно или дурно, слабо или сильно, случайно или сознательно.

Мы не можем избежать того, чтобы мысли других не соприкасались с нашими, мы можем лишь выбрать те из них, которые мы желаем воспринять и которые желаем отбросить. Мы влияем на других и сами подпадаем под влияние окружающих; это неизбежно, однако мы можем влиять на других хорошо или дурно и сами подпадать под доброе или злое влияние. Вот ваш выбор, выбор очень важный, как для нас самих, так и для мира.

Выбирай хорошо: так как твой выбор
Краток, но вечен.

МИР ВСЕМУ СУЩЕМУ!!!

---

[1] Нет подходящего английского слова для обозначения “отдельной единицы сознания”; “дух” и “душа” означают различные особенности в разного взгляда школах. Поэтому я предпочел слово Джива, чем неудобный термин “отдельной единицы сознания”.

[2] 1) Физический, 2) Астральный, 3) Ментальный

[3] Джива — Жизнь, как Абсолют, атма — буддуи, Эго, душа, отражение Монады, единица энергии, неотъемлемая частица Господа, существует сама по себе, являясь источником сознания.